

Журнал "Русская Мысль", 1895, № 9
стр.143-160, №10 стр, 1-19.

Русская былина, ея слагатели и
исполнители.

Нерѣдко случается въ исторіи науки, что нѣкоторыя ученія, считающіяся въ извѣстное время прочно установленными и вошедшія въ учебники, въ послѣдующее время оказываются шаткими и подрываются критикой со всѣхъ сторонъ. Всего чаще такія крушенія наблюдаются въ области изученія отдаленнаго прошлаго человѣчества. Конечно, открытіе новыхъ источниковъ для познанія исторіи того или другаго народа всего чаще измѣняетъ взгляды, казавшіеся раньше прочно научно-обоснованными. Но нерѣдко наше пониманіе прошлаго измѣняется и безъ такихъ открытій. Матеріаль, на основаніи котораго была создана извѣстная теорія, можетъ не увеличиться количественно, не

подновиться новыми открытіями, но комбинація раньше извѣстныхъ фактовъ можетъ быть иная, сдѣланная подъ другимъ угломъ зрѣнія, и прежняя теорія неизбѣжно перестаетъ удовлетворять изслѣдователей новаго поколѣнія.

Такой случай въ исторіи науки ИМѢЕМЪ мы въ ученіи о русской народной былинѣ или, какъ любили выражаться изслѣдователи 60 и 70-хъ годовъ, о русскомъ богатырскомъ эпосѣ. Мы могли еще недавно твердо и отчетливо отвѣтить на цѣлый рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ: ни одинъ хорошій ученикъ гимназіи не затруднился бы уяснить отличіе народной устной поэзіи отъ поэзіи культурной, литературно-художественной. Онъ сказалъ бы (со словъ О. Миллера и А. Галахова), что народная поэзія есть произведеніе и общее достояніе всего народа, что она возникла въ періодъ господства наивныхъ вѣрованій и юношеской фантазіи, когда народъ еще не распадался на классы и сословія, когда всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, «совершаемыхъ не

замысломъ и волею одного какого-либо человека, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа». Отдѣльный человекъ, слагавшій и пѣвшій пѣсню, былъ органомъ, голосомъ всего народа; онъ не творилъ чего-либо новаго, а выражалъ лишь то единственно, что **ИЗВѢСТНО** было каждому. Самодѣятельность его не простиралась на создание сюжета поэтическаго произведенія. Онъ не вносилъ въ пѣсню ни личныхъ лирическихъ изліяній, ни сатиры, не ставилъ себѣ задачей изобразить характеръ того или другаго класса народа или поучать своихъ ближнихъ. Увѣренный въ сочувствіи своихъ слушателей, пѣвецъ «не допускаетъ никакихъ украшеній и эффектовъ. Да они и излишни, такъ какъ народная поэзія служила и служить народу не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія. Народъ понимаетъ ее не какъ особую сферу духовной дѣятельности, сферу искусства, которое образованный человекъ отличаетъ явственно отъ другихъ областей жизни - религіи, гражданской дѣятельности, науки. Естественная поэзія

касается всего народного быта: обнимаетъ и религиозные, и нравственные, и умственные его интересы». Поэтому, «народъ видитъ въ своей поэзіи драгоцѣнное достояніе, которое, въ теченіе многихъ столѣтій, одни поколѣнія завѣщевали другимъ. Она имѣетъ смыслъ священной старины, неприкосновеннаго преданія, которое должны усвоивать люди молодые съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь передать его потомкамъ»¹.

Таковы, приблизительно, отвѣты, которые бойкій ученикъ гимназіи, не затрудняясь, дастъ на предложенный вопросъ объ отличіи устной народной поэзіи отъ художественной личной. Конечно, его не можетъ интересовать вопросъ, какимъ путемъ, на основаніи изученія какого матеріала добыты эти научныя положенія, которыя для ученика составляюсъ какъ бы аксіому. Но такой вопросъ долженъ быть поставленъ всякимъ «научнымъ слѣдователемъ», желающимъ дать себе отчетъ въ томъ, насколько приведенныя общія положенія вытекаютъ изъ

изученныхъ наукой фактовъ. Онъ спросить себя, знаетъ ли наука дѣйствительно поэзію того періода какого-нибудь народа, когда этотъ народъ не представлялъ никакой матеріальной и духовной дифференціаціи, когда ВСѢ члены его принимали равное участіе въ подвигахъ и каждый испытывалъ одинаково возбужденное и одинаково направленное духовное настроеніе. На такой вопросъ послѣдуетъ немедленно отрицательный отвѣтъ: окажется, что такого народа этнографія, а тѣмъ менѣе исторія не можетъ указать, что такой народъ - созданіе теоріи. Далѣе, окажется такою же научною фикціей поэтъ-пѣвецъ этого предполагаемаго народа, - поэтъ, который не творитъ чего-либо новаго, но выражаетъ лишь то единственно, что извѣстно каждому, и не можетъ создать новаго сюжета. Спрашивается, на чемъ основано предположеніе, что душевная жизнь примитивнаго человѣка такъ рѣзко расходилась съ нашей? Мы алчемъ новыхъ впечатлѣній, цѣнимъ то, чего раньше не слышали, первобытный же пѣвецъ-поэтъ

почему-то долженъ пѣть лишь старое, общеизвѣстное. Какъ же представить намъ себѣ вообще появленіе многочисленныхъ сюжетовъ? Кѣмъ они были измышлены? Коллективнымъ творчествомъ массы? Но вѣдь и это фикція, такъ какъ человѣчески опытъ такого творчества никогда не наблюдалъ. Далѣе спрашивается, на чемъ основано положеніе, будто первобытный поэтъ-пѣвецъ былъ настолько увѣренъ въ сочувствіи слушателя, что не допускалъ никакихъ украшеній и эффектовъ? Почему теорія лишаетъ его естественныхъ свойствъ всякаго художника всѣхъ временъ и народовъ - стремленія произвести впечатлѣніе, украсить по мѣрѣ силъ свое твореніе? Какъ же, однако, объяснить происхожденіе обычныхъ украшеній произведеній такъ называемой народной поэзіи - размѣренной рѣчи, эпитетовъ, сравненій и проч.? Тою же фикціей коллективнаго творчества, которое, если мы отъ фразы перейдемъ къ представленію, сведется къ творчеству отдѣльныхъ лицъ, хотя бы имя имъ было легионъ. Имѣемъ ли

мы какое-нибудь научное основаніе предполагать, что всѣ эти безыменные первобытные поэты по психическимъ свойствамъ совершенно отличались отъ современныхъ? Это было бы равносильно предположенію, что вообще духовная жизнь человѣка слѣдовала другимъ законамъ, а не тѣмъ, которымъ подчиняется психика современнаго человѣка. Въ такомъ случаѣ, конечно, онъ навсегда останется для насъ загадкой.

Наконецъ, теорія безъискусственной народной поэзіи видитъ различіе въ самомъ отношеніи примитивнаго народа къ его поэзіи отъ отношенія къ ней современнаго образованнаго человѣка. Мы относимъ твореніе поэта въ сферу искусства. Первобытному (фиктивному) народу пѣсня служить не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія: естественная поэзія обнимаетъ и религіозные, и нравственные, и умственные его интересы; ее нельзя отдѣлить отъ его вѣрованій и убѣжденій. Здѣсь опять за фразами скрывается какое-то недоразумѣніе. Вѣдь

поэтическое произведение и нашего времени может выражать религиозные, нравственные и умственные интересы поэта и читающего его общества, но это нисколько не препятствует этому произведению удовлетворять и эстетическимъ интересамъ. Какое же основаніе мы имѣемъ предполагать, что того же самаго не было въ первобытномъ народѣ? Пусть онъ теоретически не относилъ пѣсню въ сферу искусства, пусть въ его языкѣ даже не было слова для выраженія понятія поэзіи, но все же пѣсня, удовлетворяя его духовнымъ (нравственнымъ и умственнымъ) интересамъ, могла нравиться ему и съ эстетической стороны. Въ чемъ же здѣсь различіе примитивнаго человѣка отъ современнаго?

Если отъ этого общаго опредѣленія народной поэзіи мы перейдемъ къ изученію произведеній устной поэзіи какого-нибудь не фиктивнаго, а историческаго народа, на примѣръ, къ изученію русскихъ пѣсень, сказокъ, пословицъ, загадокъ, этихъ

«разрозненныхъ членовъ обширнаго эпическаго преданія»², то немедленно убѣдимся, что многое въ этомъ опредѣленіи какъ будто не подходитъ къ матеріалу, который оно должно обнять. Да иначе и не можетъ быть, такъ какъ опредѣленіе не является выводомъ, сдѣланнымъ изъ изученія нашей народной поэзіи, начавшагося сравнительно недавно, а взято на вѣру изъ господствовавшей въ Германіи теоріи народной поэзіи, созданной Яковомъ Гриммомъ и его послѣдователями. Геніальный ученый, оказавши въ свое время громадную услугу дѣду изученія народной поэзіи, представлялъ себѣ просто и ясно ВСѢ ступени ея развитія. Предки европейскихъ народовъ вынесли изъ общей прародины, которую во время Гримма искали въ Азіи, запасъ основныхъ религіозныхъ понятій, выражавшихся въ миѡахъ о божествахъ. Божества олицетворяли стихіи природы, миѡы изображали похождения боговъ, борьбу свѣта и тьмы, явленія грозы, смѣну временъ года и проч. На самой ранней ступени

эпосъ можетъ быть названъ
миѳологическимъ: героями разсказовъ или
пѣсень являются боги. Но въ жизни народа
затѣмъ наступаетъ періодъ борьбы упорной,
продолжительной, сопровождающей его на
пути его блужданій и осѣданія на новыхъ
мѣстахъ. Поэзія почерпаетъ содержаніе въ
этой борьбѣ, воспѣваетъ подвиги
народныхъ героевъ, становится
героической. Герои идеализируются, на
нихъ переносятся свойства боговъ, событія
дѣйствительно случившіяся получаютъ
миѳическую окраску. Съ принятіемъ
христіанства древніе боги исчезаютъ, но
слѣды «убѣгающихъ» боговъ еще долго
хранятся въ народныхъ сказаніяхъ въ
богатырскомъ эпосѣ: древніе боги
преобразились въ героевъ. При наступленіи
періода положительной исторіи, съ
распространеніемъ письменности и
культуры, действующими героями въ эпосѣ,
являются уже историческія лица: эпосъ
достигъ своей третьей ступени; но какъ
раньше доисторическіе народные герои
заимствовали свои краски отъ боговъ, такъ

и теперь подъ историческими именами нерѣдко скрываются прежніе, прастарые миѡы.

Съ точки зрѣнія этой теоріи разсматривались сторонниками Гримма и наши былины. Русскій народный эпосъ представляетъ вторую ступень развитія этого рода поэзіи. Наша былина есть позднѣйшая переработка «тѣхъ первоначальныхъ основъ эпическихъ, въ корни которыхъ предполагается миѡ»³. Чудесность и сверхъестественность, унаслѣдованная отъ поры первобытныхъ вѣрованій, во всей силѣ сказываются и въ былинѣ, но это не мѣшаетъ народу величать ее этимъ именемъ⁴. Народъ сознаетъ и выражаетъ различіе пѣсни (въ томъ числѣ и былины) и сказки пословицей: сказка складка, пѣсня былъ. Наша былина относится къ эпосу героическому, она воспѣваетъ героевъ, которыхъ называетъ богатырями. Сказанія о нихъ твердо приурочены къ землѣ Русской и къ ея древнѣйшей исторіи⁴.

Изъ такого опредѣленія нашей былины получалось смутное и туманное представленіе о ней, какъ о богатырскомъ эпическомъ сказаніи, созданномъ коллективнымъ творчествомъ народа въ глубокой древности и дошедшемъ, наконецъ, до нашихъ дней путемъ преемственной традиціи, хранившейся въ средѣ народа, котораго предки сложили это сказаніе. Мы дивились народной памяти, любовались благоговѣйнымъ отношеніемъ народа къ наслѣдію предковъ и объясняли себѣ это отношеніе такъ, что для него древняя богатырская былина «служила не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія», но что онъ видѣлъ въ ней «драгоцѣнное достояніе, которое въ теченіе многихъ столѣтій одни поколѣнія завѣщевали другимъ». Нѣкоторымъ сантиментальнымъ народолюбцамъ эта вѣрность народа старинѣ и преданію служила темой для противопоставленія народа культурнымъ слоямъ общества, пренебрегшимъ, со времени поворота къ Западу, этимъ наслѣдіемъ предковъ.

Пораженные обиліемъ и высокимъ интересомъ нашихъ былинь, изслѣдователи перваго поколѣнія (Безсоновъ, Буслаевъ, О. Миллеръ, Квашнинъ-Самаринъ) не находили словъ для возвеличенія этого наслѣдія предковъ, открывая въ немъ таинственный смыслъ (Безсоновъ), слѣды древней русской миѳологіи (О. Миллеръ) и изумляясь передъ чудомъ народнаго творчества и памяти, донесшей до насъ, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ, сказанія чуть ли не эпохи кн. Владиміра? Когда миновалъ періодъ «лиризма», который обыкновенно сопровождаетъ въ исторіи науки какія-нибудь важныя открытія, когда началось болѣе спокойное, трезвое изученіе нашихъ былинь при помощи историко-сравнительнаго метода, нашъ эпосъ сталъ выступать въ надлежащемъ освѣщеніи, и священное наслѣдіе предковъ при этомъ не осталось въ накладѣ. Лишившись своей таинственной чудесности, нашъ эпосъ въ глазахъ историка литературы получилъ высокій научный интересъ, но не въ томъ, въ чемъ его видѣли первые изслѣдователи,

увлеченные теоріей Гримма. Въ наше время едва ли кто-нибудь изъ изслѣдователей былинь вѣрять въ миѳологическую ихъ основу или въ полную самостоятельность народа въ созданіи ихъ сюжетовъ, которую такъ энергично отстаивалъ покойный О. Миллеръ отъ всякихъ покушеній «теоріи заимствованія». Но за то детальныя изслѣдованія, содержанія нашего эпоса подняли цѣлый рядъ интереснѣйшихъ историко-литературныхъ вопросовъ, имѣющихъ не только домашнее, но и европейское значеніе, наприм., какъ относится эпосъ къ положительной исторіи, какъ усвояетъ и перерабатываетъ народъ бродячіе сюжеты, какое отношеніе между сказочными фабулами и историческими именами нашего эпоса, какое вліяніе оказала «книга» на народныя сказанія, въ какой культурно-исторической связи находится нашъ эпосъ съ европейскимъ средневѣковымъ фольклоромъ, кто были слагатели былинь и какова среда, въ которой онѣ распространялись, и т. под.

Не имѣя въ виду въ небольшой статьѣ рассмотретьъ всѣ эти вопросы, я ограничусь только немногими, находящимися въ связи съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ нашей былины, сдѣланнымъ О. Миллеромъ. Начну, впрочемъ, съ вопроса наименѣе важнаго, съ названія былины, только потому, что въ объясненіи этого названія существуетъ фактическая ошибка, переходящая, по традиціи, изъ одного учебника въ другой,

О. Миллеръ, какъ мы выше видѣли, говоритъ, что народъ свои богатырскія пѣсенныя сказанія величаетъ былинами. Здѣсь покойный профессоръ повторяетъ только общепринятое мнѣніе, которое никогда не было доказано и «завелось» въ литературѣ какъ бы *taito consensu*. Если мы наведемъ справки объ исторіи этого термина, то увидимъ, что онъ не народнаго, а литературнаго происхожденія. Ученые начала столѣтія не знали, не слышали, что богатырскія пѣсни народъ называетъ былинами. Издавая сборникъ былинь Кирши Данилова, Калайдовичъ вслѣдъ за

первымъ издателемъ (Якубовичемъ) вазываетъ ихъ Древнія російскія стихотворенія (1818 г.) и въ предисловіи, говоря объ отдѣльныхъ нумерахъ, употребляетъ термины: стихотвореніе, пѣсня, статья, сказка, ни разу не обронивъ слова былина. Древними стихотвореніями называетъ былины Глинка, сдѣлавшій въ своемъ Русскомъ Вѣстникѣ (1808 г.) посильную, хотя совершенно несостоятельную оцѣнку сборника Кирши Данилова въ изданіи Якубовича. Названія былина не знаетъ и не употребляетъ К. Аксаковъ въ своихъ статьяхъ о русскомъ эпосѣ, относящихся къ 50-мъ годамъ⁵.

Хомяковъ въ предисловіи къ русскимъ народнымъ пѣснямъ Кирѣевскаго, напечатаннымъ въ Московскомъ Сборникѣ⁶, говоря о былинахъ про Илью Муромца и про Василя Казиміровича, называетъ ихъ просто сказками о богатыряхъ. Даже Ѡ. И. Буслаевъ, впоследствии освоившійся съ терминомъ былина, не употреблялъ этого слова въ 61 году, въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ

въ Исторической хрестоматіи былинамъ изъ сборника Кирши Данилова. Съ другой стороны, мы имѣемъ нѣсколько показаній лицъ, записывавшихъ былины въ Олонецкой губерніи, этомъ очагѣ нашей эпической традиціи, что такъ называемые сказители, знатоки былинь, называютъ ихъ не былинами, а «старинами», «старинками», «старинушками», не различая историческихъ пѣсень отъ былинь въ нашемъ смыслѣ этого термина. На это указывали Рыбниковъ, Гильфердингъ, Барсовъ, и послѣдній даже настаиваетъ на изгнаніи этого названія въ приложеніи къ богатырскимъ пѣснямъ. «Въ наше время, - говоритъ онъ, - ИМЯ былины искусственно придано богатырскимъ пѣснямъ, которыя въ Олонецкой губерніи отнюдь не называются былинами. Обычное народное ихъ названіе -старина или старинка»⁷. Но употребленіе названія былина не оправдывается и стариннымъ древнерусскимъ значеніемъ этого слова. Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ оно вовсе не встрѣчается. Въ Словѣ о полку

Игоревъ былина является въ значеніи историческаго событія, дѣянія, въ противоположность «старымъ словесамъ», поэтическимъ вымысламъ «замышленія Баянова»⁸. Современное искусственное названіе нашихъ богатырскихъ пѣсень былинами подало поводъ г. Прозоровскому (на что указалъ г. Барсовъ) толковать выраженіе «Слова» по былинамъ въ томъ смыслѣ, будто «Слово» написано въ формѣ богатырскихъ былинъ. Спрашивается, однако, если народъ не знаетъ термина былина въ нашемъ употребленіи, откуда же онъ взялся въ научной литературѣ, кто первый пустилъ его въ оборотъ? Думаю, что единственный источникъ для этого термина Слово о полку Игоревѣ, котораго выраженіе по былинамъ сего времени невѣрно истолкованное, послужило для обогащенія научной терминологіи по части народной пѣсни. Почерпнувъ отсюда это слово, извѣстный народолобецъ 30-хъ и 40-хъ годовъ И. Сахаровъ, любившій придавать пышные этикетныя своимъ не всегда доброкачественнымъ литературнымъ

продуктамъ, издавая богатырскія ПѢСНИ по весьма подозрительной рукописи тульского купца Бѣльскаго (а въ сущности по сборнику Кирши Данилова), первый прикрѣпилъ къ этому отдѣлу своихъ Сказаній русскаго народа торжественное заглавіе Былины русскихъ людей. Вотъ, если не ошибаемся, первичный источникъ и, какъ оказывается, весьма мутный, откуда въ научную литературу проникъ терминъ былины, а затѣмъ какъ-то само собою, просто отъ частаго повторенія, укоренилось убѣжденіе, что свою богатырскую пѣсню называетъ былиною самъ народъ. Что же, однако, теперь дѣлать, въ виду того, что названіе, хотя и невѣрное, вполне укоренилось въ нашей литературѣ и наукѣ? Нужно ли вмѣстѣ съ Е. В. Барсовымъ настаивать на его изгнаніи? Едва ли. Удачно или неудачно названіе былина, оно пріобрѣло за послѣднія десятилѣтія право гражданства, установилось за эпическими пѣснями такъ называемаго кіевскаго и новгородскаго цикла и можетъ съ удобствомъ быть употребляемо для

различенія ихъ отъ пѣсенъ историческихъ. Нужно только помнить, что это названіе въ примѣненіи къ этимъ пѣснямъ придумано не самимъ народомъ, а пущено въ оборотъ собирателями и изслѣдователями русскаго эпоса. Поэтому совершенно неосновательно повторять, что народъ назвалъ свои старинныя эпическія пѣсни былинами (отъ слова *быль*), сознавая ихъ отличіе отъ сказки-складки. Этимъ я, однако, не хочу сказать, чтобы народъ не вѣрилъ въ возможность фактовъ, рассказываемыхъ былинами. Гильфердингъ и другіе изслѣдователи нашли еще много наивной вѣры въ олонецкихъ сказителяхъ и ихъ слушателяхъ. Но не слѣдуетъ приписывать народу такую терминологію, которой у него нѣтъ: олонецкое населеніе прилагаетъ названіе старинка не только къ былинѣ въ нашемъ СМЫСЛѣ, но и къ исторической ПѢСНѢ о Петрѣ Великомъ, и къ какой-нибудь пѣснѣ-сказкѣ, вродѣ старины «о птицахъ» или «о большомъ быкѣ».

Перехожу къ другому вопросу, имѣющему болѣе важное значеніе для установленія

взгляда на наши былины. Нашъ эпосъ обыкновенно называютъ героическимъ или богатырскимъ, такъ какъ онъ воспѣваетъ подвиги богатырей. Дѣйствительно, если мы припомнимъ былины о подвигахъ Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, то найдемъ это названіе соответствующимъ содержанію этихъ былинь. Но при подробномъ просмотрѣ всего нашего былиннаго репертуара, обнимающаго отъ 35-40 сюжетовъ, мы убѣдимся, что злоупотребляемъ терминомъ богатырскій эпосъ лишь по привычкѣ. Позволю себѣ повторить нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя мною въ другой статьѣ⁹. По характеру содержанія въ нашемъ былинномъ репертуарѣ намѣчаются два крупные отдѣла: а) былины богатырскаго характера, въ которыхъ изображаются подвиги богатырей, ихъ битвы съ татарами и разными чудищами Змѣемъ Горынычемъ, Тугариномъ, Идолицемъ и т. п.; б) былины не воинскаго характера, напоминающія иногда новеллы, иногда фаблю, такія, которыхъ сюжетомъ

служать событія городской жизни, напрімѣръ, случаи непомѣрной роскоши и богатства, распри городскихъ фамилій, любовныя приключенія, похищенія невѣсть и т. п. Конечно, есть былины смѣшаннаго содержанія, которыя можно отнести и къ той, и къ другой рубрикѣ, но подчинить строгой регламентаціи человѣческое творчество нельзя, и съ насъ достаточно и того, что вообще объ названныя рубрики намѣчаются довольно прочно въ нашемъ былинномъ инвентарѣ. Къ первому, богатырскому отдѣлу могутъ быть отнесены былины объ Ильѣ Муромцѣ, нѣкоторыя о Добрынѣ и объ Алешѣ Поповичѣ, о Василии Казиміровичѣ, Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ, Михаилѣ Казарянинѣ, Сухманѣ, Суровцѣ, Василии Пьяницѣ, Батыгѣ и былина о походѣ Вольги на Индѣйское царство. Къ отдѣлу былинѣ-новелль принадлежать былины о многихъ другихъ эпическихъ лицахъ: Садкѣ, Василии Буслаевѣ, Добрынѣ и Маринѣ, Добрынѣ и Алешѣ, Ставрѣ Годиновичѣ, Иванѣ Гостинномъ сынѣ, Соловьѣ Будиміровичѣ,

Дюкѣ Степановичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Михаилѣ Потокѣ, Микулѣ Селяниновичѣ, гостѣ Терентьищѣ. Колебаться при отнесеніи былинь въ тотъ или другой отдѣлъ возможно относительно такихъ сюжетовъ, гдѣ дѣло идетъ о добываніи женщинъ, сопровождающемся боемъ, таковы былины: Дунай Ивановичъ, Иванъ Годиновичъ, бой Добрыни съ поленицей и его женитьба на ней. Наконецъ, въ былинахъ и побывальщинахъ, прикрѣпленныхъ къ имени Святогора-Самсона, сквозятъ черты то апокрифовъ (смерть Святогора за похвальбу, Святогоръ и гробъ), то сказокъ о судьбѣ (женитьба Святогора) и о невѣрныхъ женахъ (Илья и жена Святогора)¹⁰.

Такимъ образомъ, второй отдѣлъ по числу сюжетовъ и дѣйствующихъ лицъ нисколько не уступаетъ первому, богатырскому. Былины, сложившіяся въ предѣлахъ новгородскаго культурнаго района, а такихъ былинь гораздо больше, чѣмъ предполагалось раньше¹¹, принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ не богатырскому

отдѣлу. Даже самое названіе «богатырь» не было извѣстно новгородскому эпосу, какъ я указалъ въ Экскурсахъ, и вошло въ репертуаръ олонецкихъ сказителей изъ былинь богатырскихъ кіевско-суздальскихъ. Въ примѣненіи къ нашимъ былинамъ не слѣдуетъ поэтому злоупотреблять названіемъ «богатырскій эпосъ» и не слѣдуетъ забывать, что самъ народъ далеко не всѣхъ «героевъ» былинь причисляетъ къ богатырямъ и называетъ этимъ именемъ. Между тѣмъ, примѣненіе термина «богатырскій», въ связи съ представленіями, навѣянными теоріей Якова Гримма, придавало нашему эпосу какой-то архаическій колоритъ, который далеко не подходитъ къ большинству нашихъ былинь. Представлялось, будто былины - наследіе того отдаленнаго періода, когда «всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, совершаемыхъ не замысломъ и волею одного какого-либо человѣка, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа». Отстаивая древнѣйшія миѳическія основы нашего эпоса, повторяя туманныя

фразы о принадлежности его всему народу, изслѣдователи 60-хъ и 70-хъ годовъ либо вовсе не ставили вопроса о томъ, кто были слагатели дошедшихъ до насъ былинъ, либо отвѣчали на него неопредѣленными соображеніями о всенародномъ творествѣ, которыя ничего не объясняютъ. Вообще во взглядахъ изслѣдователей этого періода замѣчается идеализація прошлаго: русскому народу отдаленныхъ эпическихъ временъ мысленно приписывались далеко не тѣ свойства, которыя мы наблюдаемъ у современнаго. Казалось вѣроятнымъ и правдоподобнымъ то, что русскій крестьянинъ въ прежніе вѣка могъ создать богатырскую пѣснь, воспѣвавшую подвиги національныхъ героевъ. А, между тѣмъ, какъ удивлены были бы тѣ же изслѣдователи, еслибъ современный крестьянинъ, не научившійся грамотѣ, откликнулся эпическою пѣснью на подвиги какого-нибудь современнаго русскаго полководца! Такое же преувеличенное понятіе существуетъ о памятности народа. Житейскій опытъ показываетъ что въ неграмотной народной

средѣ событія, случившіяся лѣтъ сто или полтора ста тому назадъ, спутываются и основательно забываются. А, между тѣмъ, въ дѣлѣ сохраненія былинь народной памяти приписываются чудеса: считается правдоподобнымъ, что олонецкіе крестьяне нашего времени сохраняютъ въ былинахъ наслѣдіе, переданное имъ длиннымъ рядомъ поколѣній ихъ предковъ, нѣкогда сложившихъ эти пѣсни. Надъ вопросомъ, какъ могло дойти до насъ столько отдаленной старины въ былинахъ (а она дѣйствительно въ нихъ оказывается), какъ-то мало задумывались. Вспомнимъ, что состояніе традиціи въ Олонецкой губерніи не таково, чтобы могло гарантировать сохранность старинной пѣсни. Я уже упоминалъ въ другой статьѣ¹², что въ Олонецкой губерніи нѣтъ сказителей по профессіи, нѣтъ сколько нибудь организованнаго обученія былинамъ: «если мы видимъ, что былины передаются отъ дѣда сыну или внуку, то эта передача - не школьная, не основанная на внимательномъ специальномъ изученіи, а лишь

механическое усвоение при случаѣ, насколько хватить памяти и усердія. На такія случайныя перениманія нерѣдко встрѣчаемъ указанія въ біографическихъ свѣдѣніяхъ объ олонецкихъ сказителяхъ («переночеваль прохожій, пропѣль былину, былина понравилась, повториль, и хозяинъ избы или кто-нибудь изъ семьи ее запомнилъ по возможности, а затѣмъ и самъ сталъ повторять въ присутствіи другихъ»). Очевидно, такая случайная передача былинъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, еслибъ она всегда была только такова, не могла бы донести до насъ стариннаго былевого репертуара не только отдаленныхъ временъ, но даже XVI или XVII вѣка. Поэтому, совершенно естественно, мы приходимъ къ мысли, что у насъ, на Руси, какъ у большинства народовъ, имѣющихъ эпическія сказанія, были профессиональные ихъ хранители, обрабатывавшіе ихъ, исполнявшіе ихъ въ народѣ и передававшіе ихъ въ своей средѣ новымъ поколѣніямъ профессиональныхъ пѣвцовъ. Они разносили свои былевья

пѣсни (какъ и многія другія) въ народѣ, содѣйствуя такимъ образомъ распространенію интереса къ эпической исторіи Руси. Записанныя въ наше время былины ничто иное, какъ разошедшійся въ народѣ былевой репертуаръ старинныхъ профессиональныхъ пѣвцовъ, какое бы названіе они ни носили. Для уясненія этой мысли слѣдуетъ, прежде всего, рассмотретьъ техническую сторону былины - ея планъ, составныя части, характеръ изложенія, - словомъ, уяснить типъ того рода произведенны, которымъ усвоено это имя. Это рассмотрѣніе, къ которому мы переходимъ, должно показать, въ какой средѣ установился типъ современной былины и что внесли въ нее олонецкіе сказители, перенявъ ее отъ профессиональныхъ пѣвцовъ.

Понятіе «безъискусственной», которое обыкновенно прилагается къ народной поэзіи, вообще должно быть значительно ограничено по отношенію къ нашимъ былинамъ. Конечно, въ нихъ не

проявляется личность слагателя, но онъ наследуетъ извѣстные искусственные приемы, и эти приемы можно наблюдать какъ въ планахъ былинь, такъ и въ традиціонныхъ частностяхъ ихъ построенія. На участіе профессиональныхъ пѣтарей указываютъ традиціонныя прибаутки, которыя мы нерѣдко находимъ либо передъ началомъ, либо послѣ конца былины. Вотъ, наприм., какъ начинается одна былина о Добрынь и Алешѣ (Гильфердингъ, № 228):

„Изъ-подъ бѣлыя березы кудреватыя,
Изъ-подъ чудна креста Леванидова,
Изъ-подъ святыхъ мощей изъ-подъ
Борисовыхъ,
Изъ-подъ бѣлаго латыря камня,
Туть повышла, повышла-повыбѣжала,
Выбѣгала-вылегала матка-Волга рѣка,
Широка матка-Волга подъ Казань прошла,
Пошире того она подъ Вастракань.
Она много матка Волга въ себе рѣкъ
побрала,
Побольше того она ручьѣвъ пожрала,
Давала плеса она Далинскіе,
А горы-долы Сорочинскіе,

А мѣсто-то шла она три тысячи,
А выпала Волга въ море Черное (sic!),
Да устьёвъ пустила ровно семьдесятъ,
Широкъ перевозъ да подъ Новымъ-
градомъ.
Да все это, братцы, не сказочка,

А все это, братцы, прибауточка.
Теперь-то Добрынюшки зачинъ пошелъ.
Во стольнѣмъ-то городи во Кіевѣ" и т. д.
Разберемъ это зачало. Изъ самыхъ словъ
сказителя (Воинова) мы видимъ, что здѣсь
различаются двѣ части: прибаутка и
собственный зачинъ былины. Прибаутка не
имѣетъ ближайшаго отношенія къ
содержанію былины. Это, такъ сказать,
прелюдія, которая должна сосредоточить
вниманіе слушателей, настроить его
извѣстнымъ образомъ. Такъ, піанистъ
пробѣгаетъ по клавишамъ рояли, гуслирь
по струнамъ гуслей раньше, чѣмъ
приступить къ пьесѣ. Въ прибауткѣ
намѣчается въ широкихъ размахъ
картина природы - въ данномъ случаѣ
великое теченіе Волги. Конечно, этотъ

искусственный артистическій приёмъ долженъ былъ выработаться не въ кругу случайныхъ сказителей, а въ кружкѣ артистовъ, пѣтарей по профессіи, какими могли быть скоморохи и какими до сихъ поръ могутъ быть названы олонецкіе и всякіе другіе русскіе калики. Дѣйствительно, прибаутка артистовъ, занесенная въ простонародную среду, должна была пострадать въ частностяхъ: такъ, олонецкій крестьянинъ могъ пустить Волгу въ Черное море, чего не могъ сдѣлать скоморохъ, человѣкъ бывалый, и тотъ же олонецкій сказитель могъ не кстати приплестъ детали изъ другихъ прелюдій - крестъ Леванидовъ и латырь камень. Чтобъ убѣдиться въ томъ, что начальная прибаутка вышла изъ репертуара каликъ, посмотримъ біографію Воинова: изъ нея мы узнаемъ¹³, что онъ перенялъ былины отъ Павла Сивцева (старика Поромскаго), а послѣдній имѣлъ своими учителями преимущественно двухъ слѣпыхъ пѣтарей¹⁴. Иногда сказитель старается искусственнымъ образомъ связать

прибаутку съ зачиномъ былины, но здѣсь всегда видна натяжка и отступленіе отъ преданія. Такъ, сказитель Прохоровъ, заставивъ Волгу течь въ море Турецкое, пустиль по ней 33 корабля и въ одномъ изъ нихъ Соловья Будимировича¹⁵, отступивъ здѣсь отъ другого традиціоннаго зачина былинь о Соловьѣ («Изъ за: Острова Кодольскаго» и проч.). Но, сдѣлавъ изъ прибаутки зачинъ, тотъ же Прохоровъ прибавиль другую прибаутку, юмористическую, мѣстнаго олонецкаго издѣлія:

„А мхи были болота въ поморской стороны,
А гольняя щелья (скалы) въ Бѣли озеры,
А тая эта зябель въ подсиверной страны,
А с.... сарафаны по Моши по рѣки,
Да рострубисты становицы въ
Каргополи...”,-

прибаутку, очерчивающую мѣстную природу и подтрунивающую надъ бабами. Прибаутки шутивыя, въ томъ же родѣ, могутъ осложняться и развиваться далѣе и изъ начала переходить къ концу былины. Приведу одну изъ нихъ, любопытную въ

частностяхъ, такъ какъ она показываетъ весьма широкій географически-жителейскій кругозоръ слагателя. Она заключаетъ былинную о нашествіи Батыги, записанную отъ Фепопова¹⁶.

Ай чистыи поля ко Опскову,
А широки раздольица ко Кіеву,
А высокія-ты горы Сорочинскія,
А церковно-то строенье въ каменной
Москвы,
Колокольнѣй-отъ звонъ да въ Новѣ-городѣ,
Ай тѣртыя калачики Валдайскіе,
Ай шапливы щеголивы въ Ярославѣ городѣ,
Дешѣвы поцѣлуи въ Белозерской сторонѣ,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синю морю,
А щельѣ-каменьѣ ко сиверику,
А широки подолы Пудожаночки,
Ай дублѣны сарафаны по Ониги по рѣки,
Толстобрюхія бабенки Лѣмшозѣрочки,
Ай пучеглазья бабенки Пошозѣрочки.
А Дунай Дунай Дунай,
Да болѣ нѣтъ впередъ не знай"¹⁷.

Здѣсь опять находимъ указаніе на каличье происхожденіе прибаутки: по замѣчанію

сказителя, эти стихи - «небылица, которую старый калика Мѣщаниновъ, учитель Фепонова, пѣвалъ послѣ этой былины»**18**.
Участіе пришлыхъ, бродячихъ пѣвцовъ, поющихъ по профессіи, видно и въ другихъ прибауткахъ, содержащихъ обращеніе къ хозяину или слушателямъ, напримѣръ:

„Благословляй ко, хозяинъ,
Благословляй, господинъ,
Старину сказать стародавнюю
Про молода Чурила сына Пдѣнковича”**19**.

Или въ болѣе шутливомъ родѣ:
„Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было:
Самъ бы испиль, да и намъ бы поднёсь.
Мы, малы ребята, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про широку про Волгу
рѣку.

Широка рѣка подъ Казань подошла,
А пошире подалѣ подъ Астрахань,
Великъ перевозъ подъ Новымъ-Городомъ”.
Эта вступительная прибаутка былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, записанной въ Валдайскомъ уѣздѣ, Новгородской губ.,

живо вызываетъ въ нашемъ воображеніи веселыхъ ребятъ скоморохов, которые, какъ извѣстно, сильно зашибали зеленымъ виномъ.

Между другими вступительными прибаутками отмѣтимъ еще нѣкоторыя встрѣчаемыя въ былинахъ, записанныхъ въ Симбирской губерніи:

„Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?"²⁰

Или: „Ой вы люди мои, люди добрые,
Люди добрые, шабры (сосѣди) ближніе
Вы скажите мнѣ про старое..."²¹.

Или: „Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки,
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія,
Про старое, про бывалое,
Про стараго козачка Илью Муромца"²².

Очевидно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ мѣстную вступительную прибаутку: ни въ одной изъ олонецкихъ былинъ обоихъ сборниковъ Рыбникова и

Гильфердинга она не встрѣчается. Въ заключеніе упомяну еще поэтическую припѣвку, встрѣчающуюся однажды въ сборникѣ Кирши Данилова, въ началѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Я не поручусь, чтобъ она не была нѣсколько подправлена:

„Высота ли высота поднебесная;

Глубина глубина океанъ море;

Широко раздолье по всей землѣ;

Глубоки омуты Дѣпровскіе" **23**.

Я нахожу довольно правдоподобнымъ мнѣніе, высказанное объ этомъ запѣвѣ г. Халанскимъ: «Этотъ запѣвъ, привлекавшій вниманіе изслѣдователей силою поэтическаго взмаха, едва ли, однако, принадлежит простому, безыскусственному народному творчеству. Онъ напоминаетъ приемы московскихъ витій, любившихъ преукрашать начала своихъ сочиненій «грамматичными художествами и риторскою силой». Вотъ, наприм., какъ патріархъ Іовъ начинаетъ свою исторію о Θεодорѣ Ивановичѣ: «Небеси убо величества и высота

недостижна и неописуема, земли же широта неосязаема и неизслѣдима, морю же глубина неизмѣрима и неиспытуема, святыхъ же крестоносныхъ преславнѣйшихъ російскихъ царей и великихъ князей многая добродѣтелемъ исправленія неизсчетна и недоумѣваема...» Не знаемъ, насколько авторы были здѣсь самостоятельны и насколько повторяли общія мѣста современной книжной словесности (послѣднее вѣроятнѣе), то близкое сходство ихъ съ запѣвомъ былины о Соловьѣ Будимировичѣ склоняетъ мысль къ предположенію о возможности книжнаго происхожденія послѣдняго. Къ тому же, запѣвъ варианта Кириши стоитъ особнякомъ; прочіе варианты начинаются безъ обращенія къ ширинѣ земной, высотѣ поднебесной и омутамъ Днѣпровскимъ²⁴.

Мы видѣли, что прибаутка иногда забирается и въ конецъ былины. Но гораздо чаще исходъ имѣетъ свои спеціальныя заключительныя стихи, въ которыхъ сказитель выдерживаетъ до конца серьезный тонъ и какъ бы отбѣняетъ

значеніе былины. Всего чаще въ олонецкихъ былинахъ встрѣчается исходъ:

„Синему морю на тишину,

Всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье²⁵.

Въ этомъ исходѣ, не встрѣчающемся въ былинахъ, записанныхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи²⁶, я склоненъ видѣть наслѣдіе, полученное отъ такихъ людей, которые знали море, морскіе промыслы и для которыхъ тишина моря имѣла важное значеніе. Олонецкіе и архангельскіе крестьяне, имѣя много дѣла съ водою, хорошо знаютъ вѣтры, имѣютъ для нихъ спеціальныя названія и прибѣгаютъ къ заклинаніямъ ихъ, когда они необходимы для плаванья или, напротивъ, препятствуютъ ему. Понятно, что въ такой средѣ и могло сложиться эпическое былинное пожеланіе. Вспомнимъ отношеніе новгородскаго гусяра Садка къ морю и морскому царю.

Нерѣдко встрѣчаются также заключительные стихи, какъ бы указывающіе на древнее сложеніе былины:

„Съ той поры, съ того времени,

Стали (такого-то богатыря) стариной
сказать"27.

Эти стихи обычно заканчивают былины
Воинова, восходящія, какъ мы знаемъ, къ
репертуару слѣпого пѣтаря (калики?).
Равносиленъ этому копечному припѣву
другой, содержащій видоизмѣненіе той же
мысли, наприм.:

„Только той Соловнику славы поють,
А Ильина-та слава не минуется,
Отнынѣ-то вѣкъ по вѣку поють его,
Ильюшенку"28.

Этотъ припѣвъ обобщился такъ, что «славу
поють» нетолько Ильѣ, но вообще каждому
эпическому лицу, даже едва ли достойному
славы, какъ Чурилѣ29, Соловью
разбойнику30, сыну Ильѣ, разорванному
отцомъ наполю за коварство31, Маринкѣ
еретницѣ32, такъ что «слава» указываетъ
только на конецъ былины. Напримѣръ:

„А тутъ той старинкѣ и славу поють,
А по тыхъ мѣсть старинка и
покончилась"33.

Заключительный припѣвъ

„А Дунай, Дунай, да болѣ вѣкъ не знай", -

любимый некоторыми сказителями (наприм., Сорокиным³⁴, Швецовым³⁵, носить скоморошеский характер и встрѣчается, какъ извѣстно, не въ однихъ былинахъ, но во многихъ лирическихъ пѣсняхъ. Онъ не подходитъ къ складу былинъ и забрался въ нихъ, вѣроятно, изъ скоморошскихъ шутивыхъ небылицъ, вродѣ пѣсни о большомъ быкѣ, довольно распространенной въ репертуарѣ олонецкихъ сказителей (см. этотъ припѣвъ въ № 297 у Гильфердинга въ концѣ этой «старины»).

Послѣ запѣва, серьезнаго или прибауточнаго, идетъ то, что сказители называютъ зачиномъ былины, къ ближайшему разсмотрѣнію котораго мы теперь переходимъ.

Подобно тому, какъ въ нашихъ сказкахъ разскащикъ начинаетъ съ указанія МѢСТНОСТИ, конечно, совершенно неопредѣленнаго, - въ некоторомъ царствѣ, въ некоторомъ государствѣ, - такъ любимымъ, наиболѣе распространеннымъ зачиномъ былинъ является географическое

опредѣленіе. Такъ какъ уже весьма рано кн. Владиміръ притянулъ къ своему двору княжескому и палатамъ бѣлокаменнымъ русскихъ могучихъ богатырей, то въ былинахъ такъ называемаго кіевскаго цикла обычный зачинъ, ставшій затѣмъ традиціоннымъ, былъ:

„Какъ во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра”³⁶.

Такой зачинъ всего чаще встрѣчается въ былинахъ о Добрынѣ и Змѣѣ, Добрынѣ и Алешѣ, Добрынѣ и Маринѣ, Дунаѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Потыкѣ, Ставрѣ, Иванѣ Гостиномѣ, Чурилѣ, иногда Вольгѣ, рѣже Ильѣ и Идолицѣ, Алешѣ и Тугаринѣ и друг. За указаніемъ Кіева часто слѣдуетъ традиціонное изображеніе пированья, почестнаго стола у князя Владиміра³⁷, причемъ князь даетъ какое-нибудь порученіе богатырямъ, либо они сами на пиру хвастаются, кто чѣмъ можетъ, и это служитъ завязкой для сюжета. Этотъ издавна установившійся зачинъ долженъ былъ чрезвычайно облегчить работу слагателя былины и послужить къ введенію

въ кіевскомъ циклѣ многихъ сюжетовъ, которые не были прежде связаны съ Владиміромъ и принадлежали либо къ мѣстнымъ русскимъ сказаніямъ, либо къ обширной категоріи странствующихъ, международныхъ сказочныхъ сюжетовъ. Вліяніе этого зачина сказывается и въ томъ, что нѣкоторые сюжеты, имѣвшіе свой особый зачинъ, принимали въ устахъ сказителей зачинъ съ княземъ Владиміромъ, такъ что въ вариантахъ одной и той же былины мы находимъ разные зачины. При аналогіи, которая **СИЛЬНѢЙШИМЪ** уравнивающимъ образомъ проявляется въ памятникахъ устной поэзіи и служитъ самымъ могучимъ рычагомъ для памяти, немудрено, что удобный для запоминанія зачинъ обобщается и дѣлаетъ постоянныя завоеванія въ развитіи былевого эпоса: въ параллель съ Кіевомъ въ былинахъ кіевского цикла Новгородскихъ нерѣдко встрѣчаемъ зачинъ:

Какъ во славномъ въ Новѣгородѣ,

причемъ, аналогично съ пиромъ у Владиміра, находимъ описаніе пира, напри., у Васьки Буслаева, хотя въ большинствѣ былинъ объ этомъ новгородскомъ удалецѣ зачинъ иной, поминающій его отца, старика Буслаева. Вліяніе стереотипнаго пира Владиміра слышится еще въ москоскихъ историческихъ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ, такъ какъ онѣ нерѣдко начинаются изображеніемъ пира у грознаго царя, а географическій зачинъ съ указаніемъ города является нерѣдко въ былинахъ объ Ильѣ, когда этотъ богатырь былъ прикрѣпленъ къ Муромской области, напри.:

„Во славномъ было городѣ во Муромѣ,
Во большимъ селѣ Корочаровѣ" и т. д.
Изъ другихъ распространенныхъ въ
былинахъ зачиновъ,

.....
.....
.....

Въ предъидущемъ я сдѣлалъ обзоръ былинныхъ зачиновъ наиболее шаблонныхъ, содержащихъ указаніе мѣста, какъ бы неопредѣленно оно ни было. Наряду съ подобными зачинами, хотя въ меньшей степени, распространены зачины, не составляющіе, впрочемъ, чего-нибудь типическаго для былинъ, но встрѣчающіеся и въ другихъ пѣсенныхъ народныхъ произведеніяхъ. Я имѣю въ виду зачины, представляющіе либо отрицательный параллелизмъ между явленіями природы и міра людей, либо одновременность. Приведу нѣсколько примѣровъ сначала отрицательнаго параллелизма:

Не заюшко въ чистомъ полѣ выскакивалъ,

Не горностаюшка выплясывалъ,

Выѣзжалъ тамъ доброй молодець

Михаило Повтыкъ сынъ Ивановичъ "38.

Или: Не бѣленкой кричетокъ выпархивалъ,

Не ясенъ соколичокъ вылетывалъ,

Выѣзжалъ удалъ дородній добрый
мододець,

По прованію Чурилушко сынъ

Плѣнковичъ "39.

Или: „Ай не волна ли какъ на мори
расходилоси,

Ай не сине море всколыбалоси,

Ай взволновался да, вѣдь, Калинь царь"40.

Примѣромъ одновременности можетъ
служить:

„Когда возсіяло солнце красное

На тое ли на небушко на ясное,

Тогда зарождался молодой Вольга

Молодой Вольга Святославовичъ"41.

Любопытно, что этотъ зачинъ, кажется,
довольно поздняго происхожденія, усвоенъ
многимъ пѣснямъ про Ивана Грознаго:

„Ай когда жде возсіяло солнце красное,

А на томъ было на нѣбушкѣ на ясноемъ,

Какъ въ ты пору теперичку

Воцарился нашъ прегрозный царь,

Нашъ Прегрозный сударь царь Иванъ

Васильевичъ".42

Русская былина, ея слагатели и
исполнители*).

Не имѣя въ виду исчерпать наблюдений надъ былинными зачинами, я укажу только на значеніе, которое они имѣютъ для критики былинъ и, быть можетъ, для ихъ хронологіи и исторіи сложенія. Извѣстный зачинъ могъ принадлежать вначалѣ одной былинѣ или группѣ былинъ объ одномъ богатырѣ. Затѣмъ, какъ мы видѣли, тотъ же зачинъ могъ быть усвоенъ другимъ былинамъ, какъ удобный исходный пунктъ для слагателя, имѣвшаго въ виду обдѣлать въ видѣ былины какой-нибудь новый сюжетъ. Вѣдь, въ настоящее время уже указано не мало чисто-сказочныхъ сюжетовъ, прикрѣпившихся къ имени того или другого богатыря. Если мы вспомнимъ при этомъ, что съ извѣстнымъ зачиномъ былъ связанъ извѣстный напѣвъ и что напѣвъ запоминается скорѣе словъ и

помнится тверже, то поймемъ, какое значеніе получаютъ зачины при сложеніи «новыхъ погудокъ на старый ладъ».

Говоря о зачинахъ, нельзя не упомянуть и о томъ, что во множествѣ записанныхъ и изданныхъ былинь мы не находимъ перечисленныхъ зачиновъ или имъ подобныхъ. По моимъ наблюденіямъ, такія былины либо вообще плохи, т.-е. записаны отъ плохихъ сказителей, либо представляютъ отдѣльное похождение какого-нибудь богатыря⁴³, извѣстнаго нѣсколькими подвигами, такъ что составляютъ какъ бы часть, отторгнутую отъ цѣлаго.

Помимо нѣсколькихъ стереотипныхъ зачиновъ, слагатель новой былины имѣетъ передъ собою цѣлую массу старыхъ, эпическихъ матеріаловъ, годныхъ для новой постройки. Я говорю о давно установившихся описаніяхъ, представляющихъ рядъ передвижныхъ картинокъ, которыя могутъ быть расходуемы по мѣрѣ надобности при

каждомъ подходящемъ случаѣ. Поясню это примѣрами.

Если богатырь, по требованіямъ сюжета, выѣзжаетъ изъ родительскаго дома, то обязательно просить благословенія у родителей, чаще у матушки, въ такихъ словахъ:

„Ты родитель, моя матушка,
Дай прощеньице съ благословеньицемъ
Бхать мнѣ къ" (такому-то городу).

Затѣмъ:

„Онъ добра коня засѣдываетъ,
На коня накладаетъ потничекъ,
Потничекъ то онъ кладетъ шелковенькій,
А на потничекъ - подпотничекъ,
На (под)потничекъ сѣдольшко черкасское,
Черкасское сѣдельшко недержано,
Подтягиваль двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости,
Чтобы въ чистомъ полѣ конь съ подъ сѣдла
не выскочиль,
Добра молодца въ полѣ не вырониль;
А стремяночки подкладываль будатныя,
Пряжечки-то красна золота, -
Да не для красы угожества,

Ради крѣпости все богатырскойей:
Шелковы подпруги тянутся - не рвутся,
Да булатъ желѣзо гнется - не ломается,
Пряжечки-то красна золота,
Онѣ мокнуть да не ржавѣють,
И садится (богатырь) на добра коня,
Видѣли добра молодца сядучи,
Да не видѣли удалого поѣдучи" и т. д.
Для скачки богатыря давно усвоена такая
картинка:

„Скакаль онѣ выше лѣсу стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго,
Съ горы на гору перескакивалъ,
Рѣки-озера перескакивалъ,
Широки раздолья (мелки рѣки) промежъ
ногъ пуцалъ" и т. п.

Чтобъ изобразить ловкость и удалъ
молодца на КОНѣ въ чистомъ полѣ, можно
взять слѣдующую обычную картинку:

„А кидаетъ онѣ палицу булатную,
Подъ облако, подъ ходячее,
Одной рукой палицу подхватываетъ,
Какъ перомъ лебединымъ поигрываетъ".
Если богатырю приходится стрѣлять, то:
„Вынималъ онѣ изъ налучна тугой лукъ,

Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу во правую,
Накладываетъ стрѣлочку каленую,
На тетивочку шелковую,
Натянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей:
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука,
Спѣла тетивочка шелковая,
Полетѣла стрѣлочка каленая", и т. д.

Если богатырь прѣзжаетъ къ какому-
нибудь лицу на широкой дворъ, тогда онъ:
„Привязываетъ добра коня
У того ли столба у точенаго,
У того кольца золоченаго,
Заходитъ въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Бьетъ челомъ да поклоняется
На всѣ четыре на стороны
(Такому-то) во особицу".
Если его видятъ впервые, то ему
предлагаютъ обычные вопросы:

„Ты откуда, удалый добрый молодец,
Ты коей земли, коей орды,
Коего отца матери,
Какъ тебя по имени зовугь,
Нарекають по ИЗОТЧИНЪ?"
Если за этимъ слѣдуетъ угощенье,
«ѣствушкой сахарной и питьями
медвянами», то, при поднесеніи чары въ
полтора или полтретья ведра, молодецъ
„Скоро встаетъ на ножки рѣзвья,
Беретъ чарочку да во бѣлы руки.
Поднимаетъ ее одною рукой,
Испиваетъ-то ее единымъ духомъ" и т. д.
Если на пиру идетъ похвальба, то и она
выливается въ опредѣленные формы:
„Всѣ-то на пиру напивались,
Всѣ на честномъ наѣдались,
Всѣ на пиру порасхвастались,
Иной хвастаетъ городами съ пригородами,
Иной хвастаетъ золотой казной,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Разумный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой" и т.

Если слагателю понадобится картина
поспѣшности, если кого-нибудь застали
врасплохъ, то это лицо обязательно

„Накидываетъ шубочку на одно плечо,
Выскакиваетъ въ тонкихъ чулочкахъ безъ
чеботовъ,

Въ тонкой бѣлой рубашкѣ безъ пояса”.

Если встрѣтитъ молодець дѣвицу или
добудетъ ее, то и тутъ есть установленный
пріемъ обращенія:

„Онъ беретъ ее за ручушки бѣлыя,
Беретъ за перстни за злаченые,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя”.

Если сказителю нужно изобразить заставу
богатырскую, то онъ припомнитъ, что мимо
ея

„Никто пѣхотой не прохаживаль,
На добромъ конѣ не проѣзживаль,
Черный воронъ не пролетываль,
Лютый звѣрь не прорыскиваль”.

Если нужна картинка богатыхъ даней-
выходовѣ, то онъ запомнитъ обычный
составъ:

„Двѣнадцать лебедей, да двѣнадцать
кречетовъ,

Двѣнадцать сивыхъ соколовъ,
Двѣнадцать мисъ красна золота,
Двѣнадцать мисъ чиста серебра,
Двѣнадцать мисъ скатна жемчуга" и т. д.

Словомъ, при просмотрѣ нашего былиннаго репертуара окажется длинный рядъ такихъ шаблонныхъ описаній, такихъ общихъ мѣстъ, которыя сложились искони, застыли и передвигаются сказителями весьма свободно изъ одной былины въ другую. Нечего и говорить, насколько эти трафареты облегчали созданіе новыхъ былинъ, т.-е. обработку новыхъ сюжетовъ въ былинную форму, и содѣйствовали появленію многочисленныхъ вариантовъ одного и того же былевого сюжета.

Другой приѣмъ, растягивающій былевой рассказъ, это - многочисленные повторенія однихъ и тѣхъ же стиховъ, такъ сказать, эпическая ретардація. Для поясненія этого приѣма приведемъ нѣсколько примѣровъ наудачу, такъ какъ ихъ можно найти въ обилии почти въ каждой длинной былинѣ.

Въ былинѣ о Михаилѣ Потокѣ сказителя Калинина⁴⁴ князь Владиміръ даетъ разныя

порученія тремъ богатырямъ: Ильѣ Муромцу, Добрынѣ Никитичу и Потыку Михайловичу, первому съѣздить за данью въ Каменну орду, второму - въ Золотую орду, третьему - въ землю Подольскую. Вмѣсто того, чтобы прямо заявить свое согласіе, Илья Муромецъ въ своемъ отвѣтѣ повторяетъ цѣликомъ данное ему княземъ порученіе:

„Испроговоритъ казакъ да Илья Муромецъ:
- Ахъ ты солнышко Владиміръ стольно-
кіевской!

Отправляй-ко ты меня да въ большу
землю,

Во большую ту землю да въ Каменцу орду,
Тамъ повыправлю да дани выходы,

За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною”.

Вслѣдъ за нимъ встаетъ Добрыня Никитичъ и повторяетъ то же самое, замѣнивъ слова «Каменну орду», словами «Золоту орду», а далѣе тотъ же отвѣтъ съ замѣной «Золотой орды» «землею Подольской» цѣликомъ влагается въ уста Потыка Михайловича. Послѣ этого

„Первый русьскіи могучій богатырь,
Старый казакъ да Илья Муромецъ,
Ставае онъ по утрышку ранёхонько,
Умывается онъ да бѣлѣхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Онъ сѣдлае своего добра коня,
Кладывае онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣдельшко" и
проч.,

т.-е. повторяется безъ сокращенія «общее
мѣсто» - картина сѣдланія. Затѣмъ
„Другіи русьскій могучіи богатырь,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Онъ ставае по утрышку ранёхонько" и т. д.
Наконецъ, то же самое и въ тѣхъ же
выраженіяхъ разсказывается о третьемъ
«русскомъ могучемъ богатырѣ», Михайлѣ
Потыкѣ сынѣ Ивановичѣ. Такимъ
образомъ, осложняясь повтореніями, ходъ
былины тянется крайне медленно, не
особенно богатая содержаніемъ былина
достигаетъ огромныхъ размѣровъ - почти
тысячи стиховъ.

Думаю, что вообще въ развитыхъ (а не скомканныхъ) былинахъ доля повтореній составляетъ не меньше трети. Если при этомъ принять во вниманіе обычныя общія мѣста, то, съ одной стороны, становится понятнымъ, почему былина съ очень небогатымъ содержаніемъ можетъ достигнуть нѣсколькихъ сотенъ стиховъ, съ другой - почему одинъ и тотъ же сюжетъ получаетъ такую различную разработку, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи объема, въ устахъ различныхъ слагателей-сказителей. Выражаюсь такъ потому, что сказитель, какъ мы видѣли, является каждый разъ до нѣкоторой степени слагателемъ былины, такъ какъ онъ не можетъ повторить ее снова безъ нѣкоторыхъ измѣненій - перестановокъ, пополненій или опущеній. Изъ вышесказаннаго видно, что въ нашихъ былинахъ выдѣленіе готоваго эпического матеріала, которымъ пользовались слагатели, не представляетъ труда. Обращаю при этомъ случаѣ вниманіе на тотъ интересъ, который съ этой стороны представляютъ наши былины для изученія

технической стороны сданных эпоей, вродь Илиады и Одиссея, въ основѣ которыхъ также нѣкогда были отдѣльныя пѣсни, обнимавшія цѣлый эпическій циклъ и слагавшіяся рапсодами. Извѣстно, что на изученіи составныхъ частей греческихъ эпоей изоощряется критика западно-европейскихъ филологовъ школы Лахмана и Кирхгофа. Одинъ изъ изслѣдователей Гомера, Роте (Rothe), не такъ давно (въ 1890 году) издалъ остроумное изслѣдованіе «о значеніи повтореній для гомерическаго вопроса»⁴⁵, въ которомъ онъ пришелъ къ тому выводу, что повтореніе однѣхъ и тѣхъ же или сходныхъ чертъ въ изображеніяхъ у Гомера, точно также какъ совпаденіе въ стихахъ, вовсе не объясняется тѣмъ, что слагатель въ одномъ мѣстѣ подражалъ другому, но тѣмъ, что слагатели имѣли въ своемъ распоряженіи наслѣдованныя изстари типическія стихотворныя мѣста. Такой фондъ поэтическихъ формулъ, выкованныхъ долгимъ употребленіемъ, существовалъ уже у слагателей (пѣвцовъ) самыхъ древнихъ, достижимыхъ нашему

анализу, пѣсенъ, и они усвоили его памятью при тщательномъ изученіи наизусть. Только путемъ традиціи, свято оберегаемой въ поэтической школѣ въ теченіе многихъ столѣтій, могъ быть выработанъ тотъ выдержанный однообразный эпическій тонъ, который проникаетъ греческій эпосъ и придаетъ мыслямъ и рассказамъ многочисленныхъ поэтовъ-слагателей характеръ однородный, такъ что эпопея могла представляться произведеніемъ одного поэта⁴⁶. Такимъ образомъ, тѣ выводы, до которыхъ путемъ продолжительнаго изученія и самаго тщательнаго анализа доходитъ нѣмецкая гемерическая критика, эти выводы, повторяю, подтверждаются сравнительно легко наблюденіями надъ современнымъ намъ состояніемъ русской былевой традиціи.

Кромѣ отдѣльныхъ эпическихъ картинокъ или поэтическихъ формулъ, бывшихъ въ распоряженіи нашихъ слагателей, они располагали и запасомъ красокъ, которыми окрашивали отдѣльные предметы,

входившіе въ описаніе и разсказъ. Я разумѣю готовый фондъ постоянныхъ, искони утвердившихся эпитетовъ. Собственно говоря, постоянные эпитеты составляютъ принадлежность вообще языка народныхъ произведеній и не относятся спеціально къ языку былинь. Но я все же считаю не лишнимъ остановиться на нихъ, во-первыхъ, потому, что нѣкоторые изъ нихъ принадлежать только былевой поэзіи, такъ какъ прикрѣплены къ лицамъ и предметамъ, спеціально входящимъ въ ея оборотъ (наприм., къ именамъ богатырей, народовъ, странъ, городовъ и т. д.); во-вторыхъ, потому, что въ ихъ употребленіи иногда можно подмѣтитъ тѣ же черты, что въ эпитетахъ греческаго (или германскаго) эпоса, причемъ эти черты въ былинныхъ эпитетахъ могутъ служить хорошимъ комментариемъ къ гомерическимъ.

Поясню это примѣрами. При чтеніи Гомера мы часто наблюдаемъ, какъ удачно поэтъ выбралъ тотъ или другой эпитетъ изъ фонда, находившагося въ его распоряженіи, для характеристики того или другого лица

или предмета. Но нерѣдко украшающій эпитетъ (epitheton ornans) повторяется, какъ бы безсознательно, тамъ, гдѣ онъ кажется намъ совершенно неумѣстнымъ⁴⁷. Неумѣстнымъ, наприм., представляется эпитетъ корабля «быстрый», когда корабль спокойно стоитъ въ гавани, или эпитетъ неба «звѣздное», въ то время, когда свѣтитъ солнце; если преступникъ Евримахъ называется «богоравнымъ», свинопасъ - «властителемъ людей», если при ругательствахъ лицо, на котораго сыплются ругательства, называется тутъ же божественнымъ или Зевсомъ хранимымъ. Очевидно, что эпитетъ уже потерялъ свою первоначальную свѣжесть, образность и ходитъ въ школѣ пѣвцовъ, какъ ходячая монета, иногда расходуемая кстати, иногда зря, машинально. То же самое явленіе, но въ гораздо большей степени наблюдается и въ нашихъ былинахъ, по которымъ не прошла рука поэта-художника. Почти въ каждой былинѣ мы найдемъ примѣры такого безсознательнаго употребленія эпитетовъ, причемъ иногда получаютъ, на

нашъ взглядъ, удивительныя наивности и курьёзы. Намъ извѣстно, что князь Владиміръ постоянно называется «ласковымъ», и дѣйствительно, иногда своею щедростью и привѣтливостью онъ оправдываетъ этотъ эпитетъ, прикрѣпившійся къ нему, очевидно, очень давно. Однако, въ нѣкоторыхъ былинахъ Владиміръ поступаетъ очень неласково. Въ былинѣ о Калинѣ рассказывается, что за то, что Илья пришелъ незваннымъ на пиръ, Владиміръ приказалъ посадить его въ глубокой погребъ и «поморить смертью голодною». Но этотъ поступокъ съ любимымъ народнымъ богатыремъ нисколько не мѣшаетъ сказителю тутъ же называть Владиміра «ласковымъ». Дружина Калина называется «хороброю», хотя со всею ею справился одинъ Илья Муромецъ и разогналъ этихъ храбрецовъ во всѣ стороны; татаринъ Калинъ царь, отправляя своего посла въ Кіевъ, говоритъ ему, нисколько не иронизируя, что было бы неумѣстно:

„Ай же ты поганьи татарищо!

Знаешь говорить да ты по русскому,
А мычать про себя да по татарскому,
Снеси-ко ты писёмышко ко князю ко
Владиміру⁴⁸!"

Впрочемъ, и посоль не остается въ долгу и
съ тою же эпическою наивноcтью,
передавая порученіе своего повелителя,
преспокойно называетъ его «собака-Калинь
царь».

„Очищай-ко ты (Владимірь) всѣ улички
стрѣлецкіи,

Всѣ великіе дворы да княженецкіи,

По всему-то городу по Кіеву,

А по всѣмъ-то переулкамъ, княженецкіимъ

Наставь сладкіихъ хмѣльныхъ напитковъ,

Чтобъ стояли бочка о бочку близко-по-
близку,

Чтобы было у чего стоятъ собакъ царю
Калину

Со своими-то войсками со великими

Во твоёмъ во городѣ во Кіевѣ"⁴⁹.

Отмѣчу еще любопытное употребленіе
эпитетовъ, обозначающихъ возрастъ
богатырей: такъ, Илья Муромецъ постоянно
называется старымъ казакомъ, Добрыня

Никитичъ молодымъ, такъ же, какъ Алеша Поповичъ, князь Владиміръ и друг. Установленный такимъ образомъ эпическій возрастъ остается неизмѣннымъ, и въ большинствѣ былинъ, рассказывающихъ отдѣльные подвиги того или другого богатыря, ихъ обычные эпитеты кажутся намъ естественными. Но есть былины, въ которыхъ, по ходу рассказа, богатыри, казалось бы, должны старѣть, а, между тѣмъ, они сохраняютъ одинъ и тотъ же возрастъ. Такъ, Добрыня, прослуживъ ЛѢТЪ двѣнадцать при князѣ Владимірѣ въ разныхъ должностяхъ, продолжаетъ называться послѣ этого молодымъ, и онъ же оказывается молодымъ и даже называется матерью «дитѣ мое милое», когда послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія возвращается въ Кіевъ и узнаетъ, что его «молода» жена (такъ же сохранившая свой прежній возрастъ), выходитъ за «молода» Алешу Поповича, который также уже назывался молодымъ раньше отъѣзда Добрыни. Особенно ярка такая несообразность въ нѣкоторыхъ сводныхъ

былинахъ; объ Ильѣ Муромцѣ, въ которыхъ представляется его исцѣленіе каликами и первый выѣздъ изъ дому. Здѣсь оказывается, что Илья уже старый казакъ, какъ только выѣхалъ за ворота родительскаго дома. Впрочемъ, нужно замѣтить, что нестарѣніе богатырскихъ лицъ рѣже бросается намъ въ глаза, чѣмъ въ сложныхъ эпопеяхъ, наприм., Нибелунгахъ и Одиссеѣ. Въ нихъ, несмотря на нерѣдкія указанія большихъ промежутковъ времени, возрастъ героевъ и героинь также остается неизмѣннымъ. Пенелопа и черезъ 20 лѣтъ послѣ рожденія Телемаха продолжаетъ сіять красотой молодости, Гизедьхеръ черезъ 36 лѣтъ послѣ начала своей героической карьеры продолжаетъ называться мальчикомъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать механическое употребленіе постоянныхъ эпитетовъ, встрѣчающееся какъ въ нашемъ, такъ и въ другихъ эпосахъ. Но для характеристики роли эпическихъ формулъ, на которую я уже

указаль выше, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что не одни эпитеты, но и цѣлыя традиціонныя картинки (*loci communes*) не всегда употребляются сказителями умѣстно. Мы видѣли, что отъѣзжающій богатырь просить въ обычной формулѣ благословенія у родителей. Эта картинка вполне умѣстна, наприм., тамъ, гдѣ Добрыня, выѣзжая на змѣборство, просить благословенія у своей матери «матерой» вдовы, или гдѣ Илья Муромецъ беретъ у батюшки, у матушки «прощеньице-благословеньице» ѣхать въ стольный Кіевъ-градъ. Но уже страннымъ и неумѣстнымъ является то же эпическое христіанское благословеніе родительское, наприм., когда его просить у своего отца язычника Вахрамѣя Вахрамѣевича волшебная дѣвица Марья лебедь бѣлая:

„Летать-то мнѣ по тихіимъ заводямъ,
А по тымъ по зеленымъ по затресьямъ
Бѣлой лебедью три года...”

На ряду съ бессознательнымъ употребленіемъ эпическихъ формулъ можно поставить и такіе случаи въ нашихъ

былинахъ, когда сказитель въ разсказъ о какомъ-нибудь дѣйствиі эпическаго лица некстати припоминаетъ аналогическое дѣвствіе другого лица въ другомъ былинномъ сюжетѣ и переноситъ въ свой разсказъ детали, неумѣстныя изъ другого сюжета. Такъ, наприм., въ былинахъ о змѣборствѣ Добрыни нерѣдко встрѣчается такой эпизодъ: Добрыня купается въ Пучай-рѣкѣ и какія-то стоящія на берегу дѣвицы-портомойницы предостерегаютъ его, чтобъ онъ не купался нагимъ тѣломъ; Добрыня, однако, не слушаетъ ихъ предостереженія и никакихъ дурныхъ послѣдствій для него отсюда не вытекаетъ. Очевидно, что дѣвицы-портомойницы не входили прежде въ планъ былины и забрались въ нее изъ былинъ о Васильѣ Буслаевѣ только благодаря эпической аналогіи. Василій Буслаевъ, этотъ удалецъ, не вѣрующій ни въ сонъ, ни въ чохъ, а только въ «червленный вязъ», купается въ Іердань-Рѣкѣ «нагимъ тѣломъ». Дѣвицы-портомойницы предостерегаютъ его, говоря, что онъ долженъ купаться въ сорочкѣ, ради

святости рѣки, и что «нагимъ тѣломъ» въ ней купался только самъ Иисусъ Христосъ. Васька не слушаетъ увѣщанія портомойницъ, отпускаетъ имъ крупную ругань, и за такое святотатство, также какъ за другія проявленія своего упрямства, платится жизнью. Очевидно, при купаньѣ Добрыни въ Пучаѣ нѣкоторые сказители припомнили купанье Василья Буслаева въ Иордани и изъ этого сюжета некстати перенесли въ былинку о Добрынь портомойницъ, которыхъ присутствіе и рѣчи не получаютъ, однакожь, на новомъ мѣстѣ никакого значенія. То, что случилось съ нашими сказителями, повидимому, случилось и съ греческими рапсодами, на что можно найти указанія въ статьѣ Кауера⁵⁰, хотя нужно думать, что редакторская рука кое-гдѣ сгладила подобныя шероховатости. Такъ, въ 3-й пѣснѣ Одиссеи (ст. 72-74) Несторъ ставитъ пріѣхавшимъ къ нему въ гости царевичу Телемаху и Ментору нѣсколько странный вопросъ, не морскіе ли они разбойники. Оукидидъ (I, 5) выводитъ отсюда, что въ

древнія времена греки смотрѣли на пиратство, какъ на ремесло нисколько не постыдное. Древній критикъ Аристархъ, однако, возражалъ на это, указывая, что вопросъ Нестора, обращенный къ мирнымъ гостямъ, совершенно неумѣстенъ. «Объясняется ли этотъ вопросъ Нестора тѣмъ, - спрашиваетъ Кауеръ, - что поэтъ въ данномъ случаѣ не выдержалъ характера почтеннаго царя Нестора и приписалъ ему безтактность? Это возможно». Но для Кауера болѣе вѣроятнымъ представляется слѣдующее объясненіе, къ которому присоединяюсь и я: «Если мы вспомнимъ, - говоритъ онъ, - что тѣ же самыя слова мы находимъ въ X Пѣснѣ Одиссеи (ст. 253 и слѣд.) въ устахъ Циклопа, къ грубому міросозерцанію котораго они вполнѣ подходятъ, то мы отдадимъ предпочтеніе предположенію, что эти слова были впервые созданы въ пѣснѣ о Циклопѣ, гдѣ они умѣстны, и затѣмъ какимъ-нибудь позднѣйшимъ поэтомъ были неудачно введены въ 3-ю пѣсню и вложены въ уста Нестора».

Въ нашихъ былинахъ подобныя несообразности въ перенесеніи деталей обстановки гораздо чаще и ярче. Подъѣзжая къ широкому двору княженецкому, богатыри привязываютъ коней къ точеному столбу. Но нерѣдко богатыри ночуютъ среди чистаго поля, и здѣсь также оказывается «точеный» столбъ, какъ будто богатырь возить его съ собой⁵¹. Точно также, когда богатырю Ильѣ Муромцу, скрученному татарами въ ихъ лагерьъ чембурами или путинами шелковыми, нужно помолиться передъ его извѣстнымъ подвигомъ (маханіемъ татаринѣмъ), то у татаръ даже оказывается церковь соборная⁵², которую они, нужно думать, привезли съ собой.

Изъ предшествующаго разсмотрѣнія технической стороны нашихъ былинъ позволяю себѣ сдѣлать выводъ, что участіе въ ихъ исполненіи профессиональных пѣвцовъ, составлявшихъ корпорацію, какъ старинныя скоморохи или нынѣшніе калики-слѣпцы, представляется несомнѣннымъ. Только путемъ передачи

былинной техники изъ поколѣнїа въ поколѣнїе, учителемъ ученику, объясняются разсмотрѣнныя нами черты былины: ея запѣвы, исходы, поэтическія формулы или *loci communes*, постоянные эпитеты и вообще весь ея складъ. Думать, что всѣ эти формы установились путемъ той, болѣе или менѣе случайной, традиціи, которую мы застаемъ еще въ настоящее время среди крестьянъ Олонецкой губерніи, нѣтъ возможности. Крестьяне были только послѣдними хранителями (нерѣдко и искажителями) былиннаго репертуара. Но онъ сложился въ другой средѣ, и традиціонныя формы былины, вся ея техника, нѣкогда, и, притомъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтїй, вырабатывалась въ средѣ профессиональныхъ пѣвцовъ и сберегалась, посредствомъ обученїа, гораздо тщательнѣе, чѣмъ въ нынѣшней средѣ олонецкихъ пѣтарей, сказителей и каликъ.

Выше я привелъ данныя изъ былинъ, указывающїа на то, что онѣ входили

прежде въ репертуаръ профессиональныхъ пѣвцовъ, отъ которыхъ затѣмъ перешли къ олонецкимъ крестьянамъ. Я предположилъ, что такими профессиональными пѣвцами были, главнымъ образомъ, древне-русскіе скоморохи. Для подтвержденія этой мысли считаю необходимымъ представить извѣстныя въ нашей литературѣ свѣдѣнія объ этихъ «веселыхъ людяхъ», какъ называютъ ихъ наши пѣсни и былины⁵³.

Скомороховъ давно приводятъ въ связь съ представителями народнаго веселья въ греко-римскомъ мірѣ, мимами, проявившими свое разнообразное искусство при народныхъ празднествахъ. Институтъ мимовъ является наслѣдіемъ древней культуры, УЦѢЛѢВШИМЪ отъ погрома народныхъ передвиженій начала среднихъ вѣковъ. Мимы и гистріоны встрѣчаются уже при дворѣ первыхъ германскихъ властителей⁵⁴ и получили уже рано чистонѣмецкое названіе шпильмановъ. Какъ въ византійскомъ, такъ и въ германскомъ мірѣ церковь явилась открытымъ врагомъ шпильмана, причисливъ

его званіе и занятіе къ крайне грѣховнымъ. Государство ограничивало до крайности ихъ юридическія права, церковь лишала ихъ причастія, громила ихъ проповѣдью и постановленіями соборовъ. Но, тѣмъ не менѣе, эти бродячіе пѣвцы, фокусники и плясуны были любимы народомъ, являлись на его игрища, свадьбы, пиры, похороны и, какъ носители культурнаго преданія, близкаго по уровню къ духовному кругозору народа, распространяли въ немъ новыя пѣсни и сказки, заговорныя формулы, поражали его воображеніе любопытными фокусами, забавляли его пляской, маріонетками, медвѣдями, собаками и пр. До насъ дошелъ рядъ средневѣковыхъ памятниковъ, знакомящихъ насъ съ разнообразною литературною и художественною программой шпильмана или жонглёра. Они умѣли играть на разнообразныхъ музыкальныхъ инструментахъ, пѣть всякія пѣсни, разыгрывать сцены, надѣвая личины, ходили по канату, прыгали черезъ кольца, играли мячомъ и пр. Впослѣдствіи

литературная сторона ихъ дѣятельности начинаетъ сильнѣе проявляться. Въ репертуаръ нѣмецкихъ шпильмановъ входятъ эпическія и историческія пѣсни, новеллы, басни, загадки, пословицы⁵⁵. Французскіе жонглёры также соединяли неизмѣнное искусство фигляра съ литературными вкусами. Они поютъ *chansons de geste*, но знаютъ и пришлыя сказанія, библейскія и классическія, сказки, соблазнительныя фабліо и пр. Вообще въ ихъ профессіи въ XII-XIII в. замѣчается дифференціація. Въ то время, какъ одна часть жонглёровъ спускается до роли площадного шута, возбуждающаго смѣхъ циническими выходками, и шарлатана-знахаря, другіе идутъ въ литературу и не только поютъ сложенные другими пѣсни, но и сами слагаютъ ихъ и перерабатываютъ старыя.

Бродячіе ПОТЪШНИКИ съ такимъ же разнообразнымъ репертуаромъ уже рано являются въ славяно-русскомъ мірѣ подъ разными именами. Нѣмецкое слово шпильманъ зашло къ славянамъ, по мнѣнію

Востокова, еще въ X-XI вв. съ приходившими отъ нѣмцевъ представителями этой профессіи. Но еще большее распространеніе получило названіе *скомрахъ*, русское *скоморохъ*, зашедшее къ славянамъ, повидимому, изъ Византіи. Этимологія этого имени, впрочемъ, не можетъ считаться **ВПОЛНѢ** разъясненной. Нѣкоторые (Веселовскій) возводятъ его къ арабскому слову *таэхага* - шутка, шутъ, гистріонъ. На Западѣ арабское слово перешло въ значеніе *буффона*, *потѣшника*, но приняло и новое - *ряженаго*, *маски*; названіе *скомрахъ* объясняютъ, хотя не **вполнѣ** точно, *перестановкой* изъ *маскарасъ*⁵⁶, чрезъ переходную форму *скамарасъ*. Въ виду фонетическихъ недочетовъ этого производства, недавно проф. Кирпичниковъ⁵⁷ предложилъ другое, впрочемъ, также далеко не убѣдительное, изъ предполагаемаго имъ греческаго слова, неизвѣстнаго въ памятникахъ.

Каково бы ни было происхожденіе названія *скомороховъ*, на Руси они были, несомнѣнно, людьми *захожими*, какъ

свидѣтельствуеѣтъ, между прочимъ, ихъ нерусскій костюмъ. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ объ ихъ латинскомъ костюмѣ и кротополи. Зашедши на Русь вмѣстѣ съ другими атрибутами культуры Византіи, скоморохи скоро акклиматизировались въ народъ и начали уже рано вербовать въ свои труппы охочихъ людей изъ русскихъ, такъ что хотя среди нихъ традиціонно сохранялась типическіе костюмы и приемы ихъ искусства, однако, содержаніе въ этихъ прежнихъ формахъ близко примыкало уже къ русскому народному обычаю. Какъ названіе пришлое, слово скоморохъ должно было имѣть опредѣленное техническое значеніе, обозначать нѣчто такое, чего дохристіанская Русь не знала; ПѣВЦЫ и музыканты, безъ сомнѣнія, были у насъ, - стало быть, скоморохи первоначально ни то, ни другое, - но у насъ не было такихъ фигляровъ, какихъ зналъ Константинополь, и не было представителей театральнаго искусства⁵⁸. Вѣроятно, первоначально скоморохи были тѣми и другими. Самое

раннее на Руси изображение скомороховъ, вѣроятно, византийскихъ, находится на известныхъ фрескахъ лестницы Кіево-Софійскаго собора, объясненіемъ которыхъ въ послѣднее время занимались проф. Кондаковъ и его ученики гг. Рѣдинъ и Айналовъ⁵⁹. Здѣсь мы находимъ фигуры ряженныхъ музыкантовъ, паяцовъ, акробатовъ и фигляровъ; всѣ актеры изображены въ одеждахъ скомороховъ, - либо въ короткихъ туникахъ съ разрѣзными полами, либо (арфисты) въ длинныхъ, перетянутыхъ поясомъ, кафтанахъ, которые еще въ XIV-XV ст. известны, какъ обычный костюмъ захожихъ скомороховъ-шпильмановъ, паяцовъ на Руси, наприм., въ Новгородѣ, на что указываетъ изображение послѣднихъ въ миниатюрахъ новгородскихъ рукописей⁶⁰. Отношеніе церкви къ скоморохамъ было на Руси то же, что въ Византіи и на Западѣ. Наши проповѣдники пользовались въ своихъ выходкахъ противъ «богомерзкихъ, бѣсовскихъ» пѣсень и увеселеній, противъ скоморошескихъ переодеваній и игръ стариннымъ

византійскимъ оружіемъ, повторяли выраженія византійскихъ проповѣдниковъ, переиначивая ихъ въ частностяхъ согласно съ условіями русской жизни. Въ этихъ проповѣдяхъ, начиная съ XI в., появляются свидѣтельства о пристрастіи народа къ скоморохамъ. Такъ, въ поученіи, приписываемомъ преподобному Ѳеодосію, О казняхъ Божіихъ, мы читаемъ: «Друзіи зачиханью вѣрують, юже бываетъ многажды на здравіе главѣ; но сими діаволь лстить и другими нравы, и всяческими лестми превабляемы отъ Бога, вльхованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запойствомъ, рѣзоиманіемъ, приклады, татбою и лжею, завистию, клеветою, зубами, скоморохи, гусльми, сапѣлми и всякими играми и дѣлеса неподобными»⁶¹. Въ изданномъ академикомъ Срезневскимъ поученіи зарубскаго черноризца Георгія (по рукоп. XIII в.), обращенномъ къ какому-то юному духовному чаду, принадлежавшему къ знатному роду, встрѣчается, между другими наставленіями, слѣдующее: «Смѣха бѣгаи лнхаго скомороха»⁶². Гораздо обильнѣе

становятся извѣстія о скоморохахъ въ московскій періодъ: видно, что скоморохи принимали значительное участіе въ народныхъ забавахъ, являлись необходимымъ атрибутомъ свадебнаго веселья. Въ опредѣленіяхъ Стоглава (1551 г.) читаемъ такое запрещеніе: «Къ вѣнчанію ко святымъ церквамъ скомрахомъ и глумцомъ предъ свадьбою не ходити» (гл. 41, воп. 16). Въ статьѣ о многихъ неисправленіяхъ, «неугодныхъ Богу и не полезныхъ душъ», приписываемой Кассіану, владыкѣ рязанскому, жившему въ срединѣ XVI в., говорится, между прочимъ: «Свадьбы творятъ и на браки призываютъ ереевъ со кресты и скомороховъ з дудами»⁶³. Официально изгоняя скомороховъ изъ мірскихъ свадебъ, самъ Иванъ IV любилъ, какъ извѣстно, тѣшиться скоморохами и дѣлалъ ихъ участниками своихъ безпутствъ. О его пиrowаніи со скоморохами имѣемъ свидѣтельство Курбскаго: «Упившись, началъ (царь Иванъ) со скоморохами въ машкарахъ (личинахъ) плясать и сущіе пирующіе съ

нимъ»⁶⁴. Но наиболее интересное для насъ извѣстіе о скоморохахъ, потѣшавшихъ царя, сохранилось во 2-й новгородской лѣтописи подъ 1571 годомъ: «Въ тѣ поры въ Новѣгородѣ и по всемъ городамъ и по волостемъ на государя брали веселыхъ людей...», а вслѣдъ затѣмъ говорится, что «поѣхаль изъ Новгорода на подводахъ къ Москвѣ Субота (дьякъ) и съ скоморохами»⁶⁵. Вѣроятно, привозъ скомороховъ въ Москву изъ Новгорода и его пригородовъ стоитъ въ связи съ извѣстностью новгородскихъ скомороховъ. Богатая городская жизнь, сношенія съ Западною Европой, широкое развитіе торговли, - все это представляло въ Новгородѣ условія, благопріятствующія развитію класса профессиональныхъ искусниковъ, - музыкантовъ, фигляровъ, плясуновъ, - для развлечения богатыхъ горожанъ. Еще обильнѣе являются ИЗВѢСТІЯ о скоморохахъ въ XVII ВѣКѣ. Олеарію, въ его бытность въ Россіи, пришлось видѣть и слышать скомороховъ въ Ладогѣ, въ предѣлахъ прежнихъ

новгородскихъ владѣній. «Въ Ладогѣ, - пишетъ онъ, - слышали мы русскую музыку: когда мы сидѣли за обѣдомъ, пришли двое русскихъ съ лютней и гудкомъ (скрипкой) на поклонъ къ гг. посламъ, начали играть и пѣть о великомъ государѣ и царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ»⁶⁶. Послѣ серьезнаго пѣнія началась пляска и другія потѣхи. Замѣтка Олеарія относится къ 1633 году. Къ сожалѣнію, онъ не приводитъ содержанія пѣсни скомороховъ о царѣ Михаилѣ, но все же мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что ладожскіе скоморохи внесли въ свой репертуаръ пѣсню недавно, лишь за нѣсколько лѣтъ, сложенную, вѣроятно, въ Москвѣ, пѣсню патристическую и по тому времени модную, которою они и сочли умѣстнымъ дебютировать предъ иноземцами. Въ XVII в. упоминаются не только бродячіе скоморохи, но и осѣдлые, принадлежавшіе богатымъ и знатымъ частнымъ лицамъ, предшественники тѣхъ крѣпостныхъ актеровъ и музыкантовъ, которые извѣстны

были въ попетровское время вплоть до эпохи эмапсипаціи крѣпостныхъ.

Такъ, въ 1633 году подали царю челобитную, по поводу совершеннаго надъ ними насилія приказнымъ Крюковымъ скоморохи князя Ивана Шуйскаго и князя Дмитрія Пожарскаго⁶⁷. Указаніе на ОСЪДЛЫХЪ скомороховъ, проживавшихъ въ деревняхъ, находимъ, впрочемъ, еще въ XVI в. въ приговорѣ монастырскаго собора Троицкой лавры (1555 в.), запрещавшемъ подъ угрозой пени держать въ волости скомороховъ: «Не велѣли есмя имъ въ волости держать скомороховъ ни волхвей... и учнуть держати, у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ... и на томъ сотскомъ и его сотнѣ взяти пени десять рублевъ денегъ, а скомороха или волхва... бивъ да ограбивъ, да выбити изъ волости вонъ... а прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать»⁶⁸. Въ разныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ уже съ XV в. встрѣчаются мѣры противъ усилившагося скоморошества, вызванныя не столько церковнымъ предубѣжденіемъ

противъ ихъ ремесла, сколько насиліями, творимыми этими распутными бродячими людьми надъ мирнымъ населеніемъ. Скоморохи бродили ватагами въ 60-100 человекъ и сильно напоминали теперешнихъ цыганъ. «Да по дальнимъ странамъ, - говорится въ Стоглавѣ, - ходятъ скоморохи, совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человекъ и по деревнямъ у крестьянъ сильно (=насилно) ядятъ и піють и съ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ». Порицанія духовныхъ лицъ не находили себѣ серьезной поддержки у властей до тѣхъ поръ, пока скоморохи не стали наносить уже существеннаго матеріальнаго ущерба жителямъ страны своею алчностью и нахальствомъ. Сначала свѣтскія власти ограждають особыми грамотами, въ видѣ привилегій, тѣ или другія селенія и волости отъ насильственныхъ нашествій скомороховъ, далѣе принимаются правительствомъ уже общія мѣры. Однако, до царствованія Михаила Ѳеодоровича преслѣдованіе

скомороховъ не велось настоятельно и серьезно. Да и мѣры, принятыя при немъ, едва ли ослабили скоморошество, такъ какъ грозные указы врага скомороховъ, благочестиваго царя Алексѣя Михайловича, рисуютъ намъ картину, широкаго распространенія скоморошскихъ ватагъ и безчинствъ. Рядъ указовъ юнаго царя подъ угрозой пени, батога, кнута, опалы и проч. преслѣдуетъ всякія безчинства въ сельскомъ и городскомъ населеніи, всякіе остатки старинныхъ языческихъ обрядовъ, бѣсовскія игры, пѣсни, кулачные бои, вожденіе медвѣдей, дрессированныхъ собакъ, всякіе виды музыки и особенно скомороховъ, которые участвуютъ на свадьбахъ и на поминкахъ. Всѣ атрибуты скоморошества: домры, сурны, гудки, гусли, хари - вѣрно истреблять и жечь. Указы царскіе разсылались по всѣмъ городамъ и волостямъ и читались горожанамъ и сельчанамъ. Заключавшіяся въ этихъ указахъ запрещенія подкрѣплялись угрозами строжайшихъ наказаній, которыя и приводились, въ

исполненіе надъ ослушниками. Суровое, неослабѣвавшее гоненіе на скомороховъ въ теченіе всего царствованія должно было привести къ тому, что «веселые молодцы», бродячіе скоморохи постепенно исчезаютъ, такъ что къ петровской реформѣ упоминанія о профессиональныхъ скоморохахъ встрѣчаются все рѣже и рѣже. Передѣлка общества на европейскій покрій, вызвавшая уже иные вкусы, инья потребности, окончательно убила древне-русское скоморошество, и послѣдніе представители этого класса доживали свой вѣкъ уже не при княжескихъ и боярскихъ хоромахъ, а Гдѣ-нибудь въ захолустьяхъ провинціи, поближе къ тѣмъ классамъ населенія, которые оставались и послѣ реформы вѣрны старинѣ и преданію. Преслѣдуемые администраціей въ городахъ, тамъ, гдѣ они были на виду, скоморохи уходили подальше въ деревни, гдѣ еще былъ спросъ на ихъ искусство, и передали немалую долю, по крайней мѣрѣ, своего музыкальнаго и литературнаго репертуара простонародью, отъ котораго въ настоящее

столѣтіе и были людьми науки записаны эти остатки въ видѣ былинь, историческихъ и бытовыхъ пѣсень, прибаутокъ, загадокъ, сказокъ и т. п.

Сдѣлавъ бѣглый обзоръ судьбы скоморошества на Руси, постараюсь теперь уяснить, какое значеніе имѣли скоморохи, какъ хранители эпическихъ пѣсень. Мы видѣли, что искусство скомороховъ, какъ нѣмецкихъ шпильмановъ и французскихъ жонглёровъ, было весьма разнообразно. Они были и плясуны, и фигляры, и фокусники, и гадальщики, и актеры, и медвѣжатники, и музыканты, и пѣвцы, - словомъ, мастера на всѣ руки. Но для насъ они интересны только какъ пѣвцы и слагатели былинь. Поэтому поищемъ въ самихъ былинахъ указаній на эту сторону ихъ дѣятельности.

Соотвѣтствуя дѣйствительности, былины изображаютъ, съ одной стороны, ватаги скомороховъ, упоминаемая въ письменныхъ памятникахъ, съ другой - скомороховъ осѣдлыхъ, проживающихъ въ городѣ при княжемъ дворѣ и забавляющихъ

своею игрой его гостей. Въ былинѣ о гостѣ Терентищѣ является такая ватага бродячихъ скомороховъ: «веселые скоморохи, - скоморохи люди вѣжливые, скоморохи очестливые». Въ былинѣ о Ставрѣ Ставрова жена спрашиваетъ князя Владиміра:

„Чѣмъ ты, Владміръ князь, въ Кіевѣ потѣшаешься?

Есть ли у тебя веселые молодцы?"

И князь заставляеть своихъ скомороховъ забавлять посла. Лучшимъ доказательствомъ участія скомороховъ въ исполненіи и даже сложеніи былинъ можетъ служить то, что въ былинахъ нерѣдко богатыри играютъ на гусяхъ и поють не хуже скомороховъ, производять на слушателей сильное впечатлѣніе и, облакаясь въ костюмъ скомороха, являются желанными гостями на княжескомъ пиру. Очевидно, профессиональные пѣвцы былинъ постарались отдать должное своему искусству, возвысить его въ глазахъ слушателей. Такъ, одинъ изъ любимѣйшихъ богатырей, Добрыня, переодѣвшись

скоморохомъ, немедленно находить
доступъ въ княжескія палаты, гдѣ идетъ
свадебный пиръ, и, занявъ мѣсто
скоморошье, уже первыми звуками
привлекаетъ всеобщее вниманіе,
переходящее затѣмъ въ восторгъ. Вотъ
соотвѣтствующіе стихи:

„Учалъ онъ по стрункамъ похаживать,

Учалъ онъ годосомъ поваживать...

И всѣ на пиру пріутихли - сидятъ,

Сидятъ - на скоморошину посматриваютъ...

Всѣ же за столомъ да призадумались,

Всѣ же тутъ игры призаслухались...

Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,

На бѣлоемъ игры не видано...

Заигралъ Добрыня по уныльнѣму,

По уныльнѣму, по умильнѣму,

Какъ всѣ-то, вѣдь, ужь князи и бояре-ты,

А ты эти русскіе богатыри

Какъ всѣ они тутъ пріослушались...

„Ай же, мала скоморошина! - (говоритъ
князь). -

За твою игру за великую,

За утѣхи твои за нѣжныя,

Безъ мѣрушки пей зелено вино,

Безъ разсчета получай золоту казну"69.

Характеризуя необыкновенное искусство и разнообразіе напѣвовъ Добрыни, слагатель былины говорить:

„Какъ началъ онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягиваль будто отъ Кіева,
Другу отъ Царяграда,
А третью съ Еросалима,
Тонцы онъ повель-то великіе,
Прилавки-то онъ припѣваль изъ-за синя
моря"70,

Или:

„Тонцы повель отъ Новагорода,
Другіе повель отъ Царяграда...
Третіи разъ сталъ наигривати,
Все свое похождение разсказывати"71.

Обратимъ здѣсь вниманіе на слѣдующія подробности: во-первыхъ, эти тонцы отъ Царяграда, Новгорода, Іерусалима, вѣроятно, термины знакомые профессиональнымъ гусярамъ, можетъ быть, разнохарактерные напѣвы изъ ихъ музыкальнаго репертуара; во-вторыхъ, переодѣтый скоморохомъ Добрыня поетъ подъ акомпаниментъ гуслей пѣсню о своихъ

похожденіяхъ, богатырскихъ подвигахъ. Слѣдовательно, исполненіе пѣсень о воинскихъ дѣлахъ, о богатыряхъ входило въ репертуаръ скомороховъ, какъ игра великая, важная, умильная. Дѣйствительно, нельзя думать, чтобы къ репертуару «веселыхъ людей скомороховъ» сводились исключительно пѣсни фривольнаго содержанія, юмористическія, шуточные съ прибаутками и циническими намеками. Какъ артисты, подлаживающіеся ко ВСѢМЪ вкусамъ, скоморохи въ своемъ обширномъ репертуарѣ имѣли пьесы и для солидной публики, интересовавшейся преданіями старины, подвигами русскихъ богатырей, историческими крупными лицами и событіями. Я уже упомянулъ, что ладожскіе скоморохи пѣли при Олеаріи пѣсни въ честь Михаила Ѳеодоровича. Въ дошедшей до насъ пѣснѣ о любимцѣ народномъ Михаилѣ Скопинѣ, именно въ ея конечной припѣвкѣ, находимъ ясное свидѣтельство о томъ, что ее пѣли веселые люди. Вотъ эта припѣвка:
„То старина, то и дѣянье,

Какъ бы синему морю на утѣшенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на
потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Изпиваючи меды, зелено вино,
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову"⁷².

Упомянутое боярина великаго въ связи съ
содержаніемъ пѣсни свидѣтельствуется о
томъ, что пѣсни въ этомъ серьезномъ родѣ
исполнялись скоморохами и въ боярскихъ
хоромахъ.

Кромѣ Добрыни, производившаго такое
впечатлѣніе своею игрою великой, рядъ
другихъ эпическихъ личностей оказываются
искусными гусярами и пѣвцами. Пріѣзжій
въ Кіевъ изъ-за моря Волынскаго, изъ-за
острова Кодольскаго Соловей
Будимировичъ привезъ съ своей родины и
припѣвки. Забавляясь игрою на гусяхъ,
онъ

„Тонцы по голосу налаживаетъ...
А всѣ малыя припѣвки за синя моря,
За синя моря Волынскаго,
Изъ-за того острова Кодольскаго,
Изъ-за того Лукоморья зеленаго"73.
Про Ставра его жена, переодѣтая посломъ,
припоминаетъ, что
„Онъ мастеръ играть въ гусли яровчаты"
и что лучше его никто не играетъ въ Кіевѣ.
Кіевскій щапъ Чурило Пленковичъ,
поступивъ въ постельничьи къ князю
Владиміру, долженъ былъ на гусляхъ
спотѣшать княжескую чету:
Стелеть (Чурила) перину пуховую,
Кладываетъ зголовьице высокое,
И сидитъ у зголовьица високаго,
Играетъ въ гусельшки яровчаты,
Спотѣшаетъ князя Вдадиміра,
А княгиню Опраксию больше того"74.
Перечисленные лица не являются
профессиональными гусярами, а ТОЛЬКО
любителями, играющими при случаѣ. Но въ
нашемъ ЭПОСѣ есть и профессиональный
гусярь Садко, который, пока не
разбогатѣлъ, ходилъ играть по пирамъ; но и

сдѣлавшись богатымъ гостемъ, не покинулъ своего искусства. Вспомнимъ, что его чудная игра увлекаетъ морского царя, который щедро награждаетъ музыканта; вспомнимъ, какъ на днѣ синяго моря расплясался царь морской, взволновалось все поддонное царство отъ игры нашего Орфея. Любовь Садка, уже богатаго купца, къ гусямъ видна въ томъ, что когда выпаль ему жребій быть брошеннымъ въ море, онъ еще въ послѣдній разъ передъ смертью хочетъ поиграть на любимомъ инструментѣ, который даже беретъ съ собой въ море:

„Ай же, братцы, дружина хоробрая!

Давайте мнѣ гуселки яровчаты

Доиграть-то мнѣ въ остатнее:

Больше мнѣ въ гуселки не игривати"⁷⁵.

И такъ, присутствіе въ нашихъ былинахъ цѣлаго ряда личностей, играющихъ на гусяхъ, присутствіе профессиональнаго гусяра, частое упоминаніе о гусярахъ-скоморохах, - все это можетъ служить указаніемъ на то, что музыка и пѣніе были очень развиты въ той средѣ, которая

исполняла и складывала былины. А такими профессиональными пѣвцами и музыкантами были, главнымъ образомъ, скоморохи. Слѣдуетъ думать, что въ ихъ искусномъ исполненіи былины были произведеніями болѣе художественными, Чѣмъ въ устахъ нынѣшнихъ олонецкихъ сказителей, перенявшихъ ихъ репертуаръ. Ихъ пѣніе сопровождалось музыкальнымъ аккомпаниментомъ: гуслиями, гудкомъ. Вспомнимъ, какъ часто въ нашемъ эпосѣ поминаются гусли яровчатые, нынѣ уже совсѣмъ вышедшіе изъ употребленія. Олонецкіе крестьяне, перенявъ мотивы (напѣвы) нѣкоторыхъ былинь, не научились у профессиональныхъ музыкантовъ игрѣ на гусяхъ или если умѣли, то давно покинули этотъ инструментъ⁷⁶. Вообще современное состояніе былевой поэзіи представляется періодомъ ея паденія, захуданія, ведущимъ свое начало отъ той поры, когда былины отъ профессиональныхъ пѣвцовъ-гусяровъ, распѣвавшихъ ихъ нѣкогда и въ боярскихъ хоромахъ, и въ купеческихъ домахъ,

перешли къ олонецкимъ крестьянамъ, которые на сказыванье былинь уже не смотрѣли какъ на профессію, и отчасти къ каликамъ, которые, хотя и спеціалисты по пѣнію духовныхъ стиховъ, не могли наследовать отъ скомороховъ ни ихъ музыкальнаго искусства, ни очень многихъ былинныхъ сюжетовъ, слишкомъ несоотвѣтствующихъ ихъ благочестивому репертуару.

Если вышеприведенные факты достаточно доказываютъ роль скомороховъ, какъ ПѢВЦОВЪ былинь, то нѣсколько труднѣе рѣшить вопросъ, какъ велико было участіе скомороховъ въ сложеніи дошедшихъ до насъ былинь. Этотъ вопросъ можетъ быть уясненъ только детальнымъ анализомъ дошедшихъ до насъ былевыхъ сюжетовъ. Но думается МНѣ, что этотъ анализъ долженъ привести насъ къ заключенію, что среди былинь нашихъ найдется не мало такихъ, которыя носятъ яркіе признаки скоморошьей обработки. Таковы, на примѣръ, былины о гостѣ Терентьищѣ и Ставрѣ ГОДИНОВИЧѢ. Въ первой веселые

люди скоморохи являются героями скандального происшествія: они помогают недогадливому роконосцу мужу проучить невѣрную жену. Былина пересыпана скабрёзными намеками и потому въ изобиліи украшена въ изданіи Калайдовича точками скромности. Въ былинь о Ставрѣ также упоминаются скоморохи при дворѣ Владиміра и рассказъ объ испытаніи пола переодѣтой посломъ Ставровой жены также уснащенъ пикантными подробностями и двусмысленными загадками. Свою печать наложили скоморохи и на обработку былинь о кіевскомъ Донѣ-Жуанѣ Чурилѣ Пленковичѣ и удалецѣ Хотѣнѣ Блудовичѣ⁷⁷. Къ предположенію скоморошьей переработки былины о Василии Буслаевичѣ приводитъ детальный анализъ этой былины проф. И. Н. Жданова⁷⁸. Вообще слѣдовъ скоморошьей обработки можно всего скорѣе искать въ былинахъ-новеллахъ или фабліо, въ которыхъ изображаются происшествія городской жизни, преимущественно любовныя похождения съ исходомъ то

комическимъ (Терентій), то трагическимъ (смерть Чурилы Пленковича, Алеша и сестра Збродовичей). Конечно, меньше слѣдовъ оставили скоморохи, какъ пѣвцы былинь богатырскаго содержанія, гдѣ только нѣкоторые юмористическіе эпизоды и подробности могутъ быть отнесены на ихъ счетъ. Но что скоморохи пѣли и эти былины, на это мы имѣемъ прямое указаніе историка Татищева⁷⁹, который говоритъ: «Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимірѣ слыхаль, въ которыхъ жень его именами, тако-жь о славныхъ людѣхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣѣ Поповичѣ, Соловьѣ Разбойникѣ, Долкѣ (Дюкѣ?) Стефановичѣ упоминають и дѣла ихъ прославляють, и въ исторіи весьма мало или ничего». Это важное свидѣтельство, въ достовѣрности котораго нельзя сомнѣваться, должны имѣть въ виду тѣ ученые, которые полагають, что скоморохи были представителями только комическаго и фривольнаго элемента въ нашемъ эпосѣ. Ясно, что даже былины о солидномъ богатырѣ, народномъ идеалѣ

старомъ Ильѣ Муромцѣ, распѣвались тѣми же «веселыми людьми», которые забавляли публику былинами-новеллами.

Вс. Миллеръ.

1. Галаховъ: „Исторія русск. словесности“. Изд. 2 е, т. I, стр. 1 4, 1880 г.
2. Галаховъ, стр. 4.
3. О. Миллеръ у Галахова, стр. 17.
4. Тамъ же.
- 4*. Тамъ же, стр. 21.
5. Богатыри временъ князя Владимира по русскимъ пѣснямъ въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., т. IV; О различіи между сказками и пѣснями русскими въ Москов. Вѣдом. 1852 г., № 153; Замѣтка о значеніи Ильи Муромца, напечат. въ 1-мъ выпускѣ пѣсен, собранныхъ П. В. Кирѣевскамъ 1860 г.
6. Томъ I, 1852 года, стр. 326, 328.
7. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кievской дружинной Руси, т. III, лексикологія Слова, стр. 62.
8. См. тамъ же.

9. Наблюдения надъ географическимъ распространениемъ былинь въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1894 г., № 5, стр. 68.
10. См. мои статьи: Къ былинамъ о Волѣгѣ и Микулѣ, (Журн. Мин. Пар. Просв. 1894 г., № 11); Къ былинь о Хотѣнѣ Блудовичѣ (тамъ же, 1895 г., № 3); Къ былинамъ о Чурилѣ Пленковичѣ (сборникъ Починѣ, М., 1895 г.).
11. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М., 1892 г., стр. 223.
12. Русская Мысль 1894 г., кн. III, стр. 17.
13. Гильфердингъ, столб. 1080.
14. Тамъ же, столб. 1045.
15. Гильфердингъ, № 53.
16. Гильфердингъ, № 60.
17. Ср. подобное же у Гальф., № 18 (отъ крестьянки Оминой).
18. Гильфердингъ, столб. 325, примѣч.
19. Былина записана въ Сибири, см. Кирѣевск., IV, стр. 87.
20. Кирѣевскій, I, стр. 1.
21. Тамъ же, стр. 4.
22. Кирѣевскій, I, стр. 19. Ср. 20, 31.

23. Кирша Дан.: „Др. росс. стихотворенія“, № 1.
24. Халанскій: „Великорусс. былины“, стр. 147 148.
25. См. Гильфердингъ, №№ 5, 7 (Калинина), 40, 41 (Прохорова), 148, 149, 150, 151, 152, 153 (Чукова Бутылки), 157, 158 (Касьянова); Рыбниковъ, II, стр. 113; III, 13, 15, 33, 69, 96 (Бутылки).
26. Подобный, но не тождественный исходъ въ былинь о Дюкѣ, у Кирши Данилова, № III.
27. См. Гильфердингъ, №№ 228, 229, 230, 231 (Воинова).
28. Тамъ же, № 46.
29. Тамъ же, № 67.
30. Тамъ же, № 171.
31. Тамъ же, № 77.
32. Тамъ же, № 78.
33. Тамъ же, № 75. Ср. № 79.
34. Тамъ же, № 69, 71, 72.
35. Тамъ же, №№ 306, 308, 309. Ср. также Рыбниковъ, II, стр. 33, 44, 103, 184.

36. Наприм., Гильфердингъ, №№ 26, 55, 57, 59, 63, 65, 123, 124, 125, 126, 135, 150, 151, 163, 181, 186, 205, 214 и т. д.

37. Наприм., Гильфердингъ, №№ 6, 7, 16, 19, 21, 40, 47, 76, 81, 84, 122, 180, 188, 164, 109, 169, 198 и др.

38. Гильф., № 39.

39. Гильф., № 242.

40. Гильф., № 69.

41. Гильф., №№ 156, 195; ср. №№ 15 и 91.

42. Гильф., № 13; срав. №№ 25, 129, 153 (=Рыбн., т. I. стр. 65), 209.

* Русская Мысль, кн. IX.

43. См., наприм., былины о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца: Гильф., №№ 221, 266, 271.

44. Гильф., № 6=Рыбн., т. IV, № 12.

45. „Die Bedeutung der Wiederholungen f(r die Homericische Frage“, въ Лейпцигъ, 1890 (по поводу 200 лѣтїя французской гимназїи въ Берлинъ).

46. См. статью Caeur'a: „Eine Schw(che der homtrischen Denk art“ въ Rheinisches Museum f. Philologie. 47 Band., I Heft., 1892, стр. 107.

47. См. примѣры у Karl Francke: „De nominum propriorum epithetis Homericis" (Greifswald, 1887).
48. Гильф., № 57.
49. Гильф., № 75.
50. Sauer: „Eine Schw(che der Homerischen Denkart", помѣщ. въ журналѣ Rheinisches Museum. Band 47, Heft I, p. 110.
51. Гильфердингъ, № 57 (столб. 308).
52. Гильфердингъ, столб. 309.
53. О скоморохахъ см. изслѣдованія акад. А. Н. Веселовскаго (Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, № VII, стр. 149 и слѣд.); А. С. Фаминцына (Скоморохи на Руси. Спб., 1889 г.); также И. Бѣляева (О скоморохахъ, во Временникѣ И. М. Общ. Исторіи и Древностей 1854 г., стр. 79).
54. А. И. Веселовскій, назван. соч., стр. 149.
55. Тамъ же, стр. 174.
56. Веселовскій, стр. 182.
57. Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ. 1891 г.
58. Кирпичниковъ, стр. 15.

- 59.** Н. П. Кондаковъ: „О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора". Зап. И. Р. Археол. Общ. 1888 г., т. III. Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ: „Кіево-Софійскій соборъ". Спб., 1889 г. См. Кирпичниковъ, стр. 12.
- 60.** Кирпичниковъ, назван. соч., стр. 13.
- 61.** Ученыя Записки 2-го отд. Акад. Н., кн. II, вып. II. Спб., 1856 г., стр. 95.
- 62.** Свѣдѣнія и замѣтки, о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № VII, 1867 г.
- 63.** Веселовскій: „Разысканія", VII, стр. 199. Фаминцынъ, назван. соч., стр. 20.
- 64.** Фаминцынъ, стр. 15.
- 65.** П. собр. р. л., т. III, стр. 167.
- 66.** См. Олеарій: „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію". Перев. Барсова. Москва, 1870 г., стр. 26.
- 67.** Фаминцынъ, стр. 152.
- 68.** Тамъ же, стр. 154.
- 69.** Фаминцынъ, стр. 28-29; Рыбниковъ, I, стр. 136, 166; II, 31. Гильфердингъ, столб. 45, 136, 250, 972, 1030.

- 70.** Тамъ же, стр. 31. Рыбниковъ, I, стр. 136, 144; II, стр. 31. Гильфердингъ, столб. 214, 356, 498, 1058, 1096.
- 71.** Фаминцынъ, стр. 33; Рыбниковъ, III, № 16.
- 72.** Кирша Даниловъ, стр. 391.
- 73.** Рыбниковъ, I, стр. 324.
- 74.** Рыбниковъ, I, стр. 265.
- 75.** Рыбниковъ, I, стр. 377.
- 76.** Объ употребленіи гуслей олонецкими сказителями былинь въ прошломъ столѣтіи см. у Е. Барсова: Памятники народнаго творчества Олонецкой губерніи, стр. 9.
- 77.** См. мои статьи: Къ былинамъ о Чурилѣ Пленковичѣ (въ сборникѣ Починъ. М., 1895 г.) и Къ былинь о Хотѣнѣ Блудовичѣ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1895 г., № 3).
- 78.** Русскій былевой эпосъ. Матеріалы и изслѣдованія. Спб., 1895 г., стр. 401.
- 79.** Исторія Россійская, I, стр. 44.